

Зеркало Велеса

Автор:

[Александр Прозоров](#)

Зеркало Велеса

Александр Дмитриевич Прозоров

Князь #1

Общий наркоз стал для Андрея Зверева воротами и иной мир. Придя в себя, он обнаруживает, что находится в боярском имении недалеко от Великих Лук и что здесь все считают его сыном боярина Павла Лисьина. После недолгой растерянности он пытается применить свои знания человека двадцать первого века, дабы снискать славу и известность.

Но вскоре Андрей узнает, что провалился в прошлое не по прихоти природы, а стараниями нелюдимого волхва Лютобора, живущего на ближнем болоте. Андрей требует от колдуна вернуть его обратно в будущее.

Если бы он знал, к чему приведет это пожелание!

Александр ПРОЗОРОВ

ЗЕРКАЛО ВЕЛЕСА

Пролог

Поздней осенью семь тысяч пятьдесят третьего года от сотворения мира, незадолго до заката Куприянова[1 - в переводе на современный язык 13 сентября 1544 года] дня на левом берегу реки Большой Удрай, напротив Козютина мха, что раскинул свои топи верстах в тридцати на закат от Великих Лук, одинокая женщина натянула поводья чалого коня, останавливаясь возле самой воды. На вид путнице было немногим менее сорока, волосы закрывал темный пуховый платок, сквозь который местами проблескивали жемчужины, на плечах ее лежал суконный, изрядно повыцветший и вытертый кафтан, ноги прятались в мягкие сафьяновые сапоги, тоже порядком поношенные и растерявшие вышивку – на голенище осталось только множество мелких дырочек да несколько алых и зеленых нитей.

Впрочем, если путница желала выдать себя за нищую селянку, получалось у нее плохо. На сжимающих поводья пальцах поблескивали несколько перстней с яркими самоцветами, жемчужная понизь и золото сережек просвечивали через платок крупной вязки; в оторочке рукавов и обшлагов кафтана легко угадывался благородный бобровый мех – слишком дорогой для смердов, обходившихся даже для праздничных одеяний простеньким горностаем, а то и вовсе белкой и лисицей. Да и золота в таких количествах селянке или горожанке ни муж, ни отец не подарят. Ладно серьги, ладно пара перстеньков, ладно понизь – но не все же сразу!

Да и кони у женщины были ладные, тонконогие и рослые, мало похожие на неприхотливых низких, брюхатых лошадок, которых и в плуг, и в возки запрягают, а при нужде и под седло подводят. Судя по поджарому брюху, кормили скакунов не только сеном-соломой, но и зерна изрядно в ясли подсыпали. Тонкие ноги и рост означали изрядную примесь туркестанской крови. А может статья, коней и вовсе из Бухары на продажу привели – тогда за них немало золота пришлось отсыпать. Без золота таких красавцев разве на меч, в походе взять можно. Но смерды в походы ратные не часто ходят, подобная добыча на их долю выпадает редко. Вот боярин родовитый такой дуван и захватить, и при себе оставить мог, на золото не менять. Но тогда и в седло мог только сам он подняться – либо супружница его, боярыня.

Шедший в поводу конь остановился и опустил голову, ткнувшись хозяйке мордой в колени. Путница охнула – скорее от неожиданности, чем от боли, – торопливо дважды перекрестилась, кинула быстрый взгляд на спину заводного скакуна. Там, накрытый по плечи овчиной, лежал темноволосый парень лет четырнадцати. Глаза его были закрыты, а дышал он тяжело, мучимый хворью.

Женщина вздохнула, перевела взгляд на Козютин мох, раскинувшийся по ту сторону реки. Пальцы ее, выдавая беспокойство, нервно затеребили темную кожу поводьев.

День, несмотря на низкие серые облака, выдался теплый – но со стороны болота тянуло влажной прохладой, смешанной с запахом грибов и гнили. Да и чего еще от нее взять, от топи-то? Мертвое место. Разве что лягушкам да гадюкам в нем хорошо.

Через сочную, еще не пуганную первыми заморозками, прибрежную осоку к реке ныряла узкая тропка, чтобы потом выбраться на ту сторону Удряя и, обогнув камышовую поляну, уйти куда-то под низкие корявые березы. Стало быть, кому-то было дело и до топи, коли тропу пробили. Хаживает кто-то.

Путница и сама зачем-то пробиралась к берегу по этой тропе, но сейчас вдруг заколебалась, никак не решаясь двинуться дальше. То ли брода не знала, то ли воды боялась, то ли еще что беспокоило. Оно и понятно – место глухое. В омут ухнешься – подмоги не дозовешься.

Парень на заводном коне вдруг застонал, качнув головой из стороны в сторону. Женщина резко оглянулась, облизнула губы, после чего перекрестилась еще раз, вытащила на свет нательный крестик, с надеждой его поцеловала и пнула пятками брюхо коня, посылая его вперед.

Скакун недовольно фыркнул, однако с берега спустился и медленно двинулся по темной воде. Глубина выдалась всего ничего, до брюха река не достала – и меньше чем через минуту всадница оказалась на правом берегу. Следом, разбрызгивая холодные капли, на сушу выбрался и конь с хворым паренком.

Женщина опять замешкалась, словно никак не решаясь на некий опасный подвиг, с надеждой оглянулась на покинутый берег, но потом уверенно трянула поводьями, заставляя скакунов перейти на шаг. Лошади побрели по узкой тропинке, пробитой в высокой осоке, под копытами плотоядно зачавкала черная торфяная вода.

Тропа вела женщину за собой, виляя меж берез и тонких, как прутья, сосенок с желтыми иглами, то и дело круто уходя вправо или влево, а иногда и вовсе по широкой дуге в обратную сторону. То ли следы запутывала, то ли топи

неведомые огибала. Одно хорошо – комары над болотом почему-то не вились. А то за час и зажрать могли, высосать досуха.

Версты через три березы и сосенки остались позади, и перед путницей, за широким и ровным полем коричневого мха, заблестели многочисленные окна открытой воды. Тропинка вела вперед, но уже через несколько саженей ноги коней начали проваливаться, мох заколыхался, словно занавеска под резким порывом ветра, – и лошади, тревожно заржав, остановились, не поддаваясь ни на какие понукания.

Через несколько минут женщина сдалась, двинулась вдоль поля, у крайних березок, – и вскоре с удивлением обнаружила, что пересекает ту же тропу, по которой забралась в самую вязь. Наверное, это был намек на то, что следовало возвращаться обратно – но путница упрямо повернула вправо, в глубь болотных мхов. Верста, другая – и опять она оказалась перед бездонными окнами. В этот раз путница повернула в другую сторону – и через некоторое время вновь вышла к тропе.

Немного поколебавшись и глянув на предзакатное небо, упрямая гостья Козютина мха все же опять направилась к топям, заставляя коней все тем же мерным шагом месить тухло пахнущий торфяник и корни осоки.

В небе каркнул ворон. Он сделал над путницей стремительный круг, сложил крылья и упал на ветку совсем черной, с несколькими лишь белыми пятнами, березы, поднявшейся едва на высоту человеческого роста. Потоптался, склонил набок голову.

– К Лютобору я пробираюсь, – натянув поводья, сказала ему женщина. – Сказывали, с любой хворью он управиться способен. Сын у меня занедужил. Совсем плох... Спаси его, Лютобор, коли слышишь. Спаси, мать твою заклинаю!

Ворон опять каркнул, упал с ветки и, расправив крылья только над самой землей, метнулся поперек тропы, взмыл над плотной стеной ежевики, что поднималась слева в полусотне саженей, и умчался дальше, тяжело взмахивая крыльями. Женщина проводила его взглядом, подумала, а затем потянула повод, поворачивая вслед за птицей. Лошади, ощутив нетерпение всадницы, перешли на широкий шаг. Их ноги опять начали проваливаться глубоко в торф,

зажурчала, разливаясь по сторонам, вода – но на этот раз скакуны беспокойства не выказали. Да и то уже сажень через тридцать земля стала тверже, болотная осока сменилась обычной травой.

Вблизи в стене ежевики неожиданно обнаружился просторный проход. Шел он не прямо сквозь кустарник, а наискось, так что с болота оставался не виден. За проходом начиналась новая тропа, более широкая и уже не торфяная, а глинистая. Еще через полверсты всадница увидела впереди поросший дубами взгорок и, облегченно вздохнув, перешла на рысь.

Вскоре кони вынесли ее на утопанную глиняную площадку перед невысокой, в половину человеческого роста, пещерой, густо обросшей бузиной.

По правую руку от площадки тянулись пять черных, уже пустых по осени грядок, за которыми виднелись еще пещера и два крупных, крытых дранкой лабаза. По левую – сразу за россыпью крупных валунов – начинался высокий густой малинник, уже растерявший свою листву.

Путница спешила, кинула поводья коней на ветки малины, покрутила головой, подергивая свисающие кончики платка. Никто к ней не выходил, никто не привечал, ни о чем не спрашивал. Тогда она сама двинулась к пещере, пригнулась, входя под закопченный свод.

Поперек пути, почти под самый потолок, оказались натянуты пологи. Два – сшитые из сыромятных пятнистых козьих шкур. Третьим, самым дальним пологом служила мягкая кошма, сразу за которой открывалось обширное логово. Потолок его находился на уровне пещеры, а к полу, что темнел на глубине добрых пяти сажень, вела вдоль стены длинная пологая лестница. Здесь пахло едким дымом, сосновой смолой и чем-то чуть сладковатым, дрожжевым, как от кадушки со сдобным тестом.

Освещалось помещение не свечами или факелами, а продолговатым камнем с сажень длиной и локоть в толщину, вмурованным в стену на высоте в полтора роста. Свет был слаб – при взгляде на колдовской валун глаза не испытывали никакого неудобства, – но благодаря ему в пещере царил не полная мгла, а слабый полумрак, в котором различались и ступени лестницы, и длинный стол внизу, возле которого стояли две грубо сбитые скамьи. Чуть дальше тянулись многочисленные ниши с туесками, кувшинами, баклажками, торбами, кожаными

мешочками. Обложенный валунами очаг с рогатками для вертела располагался между двумя высокими кучами хвороста и сухих осенних листьев, и в нем еще тлели бурыми огоньками недогоревшие угли.

В конце лестницы гостью ветрелили два деревянных идола высотой по пояс, их рты были испачканы чем-то темным. Женщина охнула, испуганно перекрестилась – и в тот же миг груды листьев зашевелились, из нее появилась голова с вытянутым лицом и редкими седыми волосами на макушке.

– Что же ты непокойна так, боярыня? – прошептали бесцветные губы. – Коли пришла к богам исконным, отчего пришлых демонов знаками своими привечаешь?

– Я... – Женщина попятилась, уперлась спиной в стену. – Я... я пришла за помощью, колдун... За исцелением...

– Вот вы каковы, неблагодарные смертные, – вздохнул хозяин пещеры. – Коли жертвы приносить – в святилища с золотыми куполами ступаете, а как занедужили – враз к кровным богам бежите? Отчего же так, боярыня? Пришлым богам бы и кланялись... Отвернись.

Гостью послушно отвернулась к стене, вскинула ко лбу руку, но спохватилась, опустила. Жалобно пролепетала в сухую глину:

– Я молилась, колдун. И жертвовала, и молилась истово, и постилась, и милостыню раздавала. Ничто не помогает...

– Колдун... – за самой спиной услышала она и испуганно развернулась.

Хозяин пещеры оказался стариком невысоким – едва доставал ей до подбородка, – безусым и безбородым, с белым морщинистым лицом. На плечах его лежал серый суконный балахон, подвязанный кожаным ремешком с двумя ножами и вышитым кисетом, над ремешком не очень сильно, но заметно выпирало брюшко.

– Колдун... Слов иных не знаешь, боярыня? Молвила бы «волхв» – ведомо тебе сие слово? Али на худой конец ведуном бы нарекла. Небось, мудрецами токмо

пришлых жрецов чтишь?

- Прости... Лютобор, - нашлась гостья. - Мудрый Лютобор...

- И то складно, - похвалил колдун, вытянул руку и провел ладонью женщине от лба до низа живота. Та попыталась отпрянуть, но уперлась спиной в стену. - Рот открой, страданица.

Гостья открыла было рот, но тут же спохватилась, захлопнула его, вскинула сжатые пальцы ко лбу - и опять в последний миг опомнилась и остановила руку.

- Есть хворь у тебя, есть, женушка, - кивнул старик. - Да не столь велика, чтобы по весям бездонным с нею шастать. Живо чрево твое, да больно лениво. Спит, не добудились добры молодцы.

- Сын, сын у меня наверху, мудрый Лютобор, - замахала руками на лестницу женщина. - Уж вторую седмицу, как немощен стал. Горяч, беспамятен. Потом исходит, нешто в парилку попал. Не ест ничего, насилу водицей поить удастся. Спаси мне сына, мудрый Лютобор. Спаси - чем хочешь, отплачу! Все, что пожелаешь, все исполню!

- Что пожелаю? - прищурился на нее колдун. - Коли так, то желаю бор за Удраем в свое владение, дабы лесорубы да бабы-ягодницы не досаждали, да еще гору, что Сешковской ныне кличут. От вашей усадьбы аккурат с полверсты до нее будет. Ту, на которой под полнолуние смех да песни слышны.

- Как же я тебе отдам сие, Лютобор? - отпрянула женщина. - То же не мое, то князя Друцкого земли будут!

- Отчего же обещаешь, чего дать не можешь, глупая баба? - отчитал боярыню старик. - Помысли поперва, а уж потом словами кидайся клятвенными.

- Серебра, золота отсыплю, сколь спросишь. Что есть, все отдам. Исцели сына, мудрый Лютобор! Исцели, мать твою заклинаю!

- На что мне серебро твое, боярыня? - хмыкнул колдун. - В очаге его не разожжешь, на плечи не накинешь, в горшке не сваришь. Что проку мне с такой

награды?

– Сын... наверху... – Гостья уже не знала, что и пообещать, в ее голосе зазвучали слезы. – Исцели сына, Лютобор. Милости у тебя прошу. На тебя все указывают. Сказывают, ты все можешь. В тебе сила великая есть. Коли пожелаешь, так и мертвого оживишь. А уж немощного к свету вернуть тебе – что на воду дунуть. Спаси его, Лютобор. Спаси кровинушку мою, радость единственную. Спаси...

Старик поджал губы, отчего те совсем побелели и стали светлее кожи, развернулся, отошел к куче хвороста, выбрал пару сучьев, провел ими над очагом. Сухое дерево тут же затрещало огнем. Одну из деревяшек колдун кинул на угли, с другой двинулся к лестнице:

– Ладно, боярыня, неча тут сырость разводить. Показывай отрока своего. Може, и придумаю чего. Мертвого не оживлю, а на живого, коли роду не чужого, крови нашей, найдем снадобье верное. Внука Сварожьего Маре не отдам, не для того ныне небо копчу...

Возле малинника гостья выпутала из кустарника поводья своего скакуна, отвела его в сторону, вернулась назад и принялась распускать ремни, что удерживали недужного паренька на широкой спине заводной лошади.

– Оставь... – Колдун положил ей руку на плечо, отодвинул просительницу в сторону, повернул голову хворого мальчишки к себе, открыл ему рот, посветил туда факелом, потом приподнял больному веко, недовольно цокнул языком: – Что же не шла так долго, боярыня?

– Молилась я, мудрый Лютобор. И сама, и молебны за здравие заказывала...

– Молитвы хороши, – буркнул себе под нос колдун, – да к ним иной раз и отвар целебный не помешает.

Старик ловким движением снял с факела язычок огня, повел его над телом больного. Над животом паренька огонь потух, превратился в округлый сизый дымок, устремившийся ввысь. Колдун повторил ритуал еще раз – и с тем же результатом. Мудрый Лютобор тихо зарычал, с силой провел ладонью по лицу, повернулся к женщине:

– Прости, сестра, нет во мне силы, чтобы сына твоего вернуть. Он ушел. Ныне уж поздно. Прости.

– Нет... – Гостья подступила ближе, схватила его за плечи, с неожиданной горячностью затрясла: – Нет, нет, колдун! Нет, не говори этого! Верни мне его, колдун. Отдай! Отдай Андрейку моего, отдай! Ты ведь можешь, колдун! Я знаю, можешь!

– Поздно, сестра, – с удивительным спокойствием снес ее выходку хозяин пещеры. – Ушел он от нас, женщина. Ушел. Плоть наша земная – лишь сосуд души. Нет души – ни к чему и вместилище. Вот и угасает плоть его смертная. Нет в ней надобности. Никто уста не отверзает, никто членами не шевелит, никто чресла не тревожит. Нет души, нет человека. Ушел твой сын, бедная моя. Украла, видать, его Божиня Ледяная. Ушел, нет его боле с нами. А ныне и плоть в небытие отправляется.

– Нет! Нет, не надо, колдун! Не оставляй, не отказывай мне, колдун, мудрый Лютобор, не гони... – Голос матери прервался, она упала перед стариком на колени, ловя его свободную от факела руку. – Пощади меня, колдун! Чрево мое иссохло, не тяжелеет оно от ласк мужниных. Сколько лет дитяню вымаливали, да токмо одного родить и смогла. Нет иного у нас ребеночка, кроме Андрея! Спаси его, мудрый Лютобор! Верни его! Что мужу скажу, когда со службы государевой вернется, как оправдаюсь, что кровинушку нашу единственную не уберегла?! Что со мной, что с ним, что с нами будет, колдун? Кто глаза нам в старости закроет, кому добро наше оставим, кто род наш древний продолжит? Верни, верни мне его, колдун. Мою душу, мою жизнь забери, но мальчика мого возверни! Нет детей – зачем жить, колдун? Верни его мне, мудрый Лютобор, не то и я рядом с ним тут останусь, руки на себя наложу...

– Нет детей, нет детей... – стряхнул с себя ее руки хозяин пещеры, отступил на шаг. – А на пашне поднятой зачинать пробовали? Хлебами опоясывались? Зарю на Иванов день встречали? Заветов не чтите предков ваших, а опосля на чрево плачетесь? Откуда чреву взяться, кроме как не от бабок ваших перейти?

Женщина, потеряв опору, ткнулась лбом в глину, плечи ее продолжали вздрагивать. До колдуна доносились только обрывки ее мольбы: «верни...», «кровинушка...», «единственный...», «прервется...»

– Ну, род, скажем, может, и не прервется... – Старик пожевал губами, повернулся к пареньку, снова снял с факела огонек, посадил его хворому на грудь. Огонек горел ровно, уверенно – пока колдун не смахнул его на землю. – Род, положим, я тебе сохранить помогу... Могу помочь. Семя – оно ведь не в душе, а в плоти земной растет. Плоть от плоти, кровь от крови... Плоть, душа. Душа ушла, юдоль пуста... Нет души, нет жизни...

Женщина затихла, прислушиваясь к непопятному бормотанию.

– Слушай меня, несчастная, – наконец заговорил с ней колдун. – Плоть без души мертва. Хотим сохранить плоть и семя рода вашего – надобно душу ребенку твоему сыскать.

– Где же я возьму ее, мудрый Лютобор? – не вставая с коленей, прошептала гостья.

– Тебе и не найти, несчастная, – покачал головой старик. – Душа не чужая надобна, а родная. Чтобы под теми же звездами появилась, тем же путем росла, теми же глазами смотрела. Пусть не та, но чтобы плоть ее не отвергла. Чтобы и года те же имела, и родичей, и крови не чужой, и ростом не отличалась, и жилами, и костями. И отцом с матерью. И боль чтобы ту же испытала, в тот же час и день от зачатия своего, и заметалась между долинами черными и зелеными. Чтобы жаром реки Смородины согрелась, что под Калиновым мостом. Тогда плоть его признает, примет. Будет тогда тебе мальчишка, плоть от плоти из рода вашего, и семя у него будет ваше, не свое. Понимаешь ли ты меня, несчастная?

– Ты вернешь мне Андрюшу? – с надеждой спросила боярыня.

Колдун разочарованно вздохнул.

– Шесть вихрей, шесть огней, шесть слов заветных пошлю. Коли найдут душу, коли выдуют, коли выманят, коли к месту заветному приведут... Знамо, тогда и спытаем дело наше. Будет мужу твоему сын, а роду – продолжатель. Найдут ли?

– Хочешь, я отдам тебе свою душу, мудрый Лютобор? – опять предложила гостья.

– На что мне душа твоя? – отмахнулся старик. – Я же не Мара Ледяная, у меня полей и царствия своего нет. И мальчишке бабья душа не к месту. Ему надобна та, что неотличима окажется... Найду ли? – Колдун вздохнул: – Снимай, клади чадо на камни сии. Головой на черный валун, спиной на красный, ногами на серый. Я покамест за мазью и снадобьем схожу. Опречь трава мне и свечи понадобятся. Ты воска пчелиного прихватить не догадалась? Плохо, у меня совсем кончился. Но на сей раз, мыслю, достанет. И сало барсучье... Крылья... крылья... Ничто, пером обойдусь. Шесть перьев, шесть вихрей, шесть сторон...

Припоминая вслух нужные для предстоящего ритуала составы и атрибуты, мудрый Лютобор скрылся в пещере. Женщина же, облегченно утирая слезы, принялась освобождать сына от ремней...

Барчук

Он как раз входил в вираж, преследуя пирата. Грубоватый, словно слепленный из картонных ящиков, «F-22» выплескивал два длинных, желтых снопа пламени, но даже отчаянный форсаж не мог спасти воздушного разбойника. Ближе, ближе, ближе... Он видел раздвоенный хвост американца совсем рядом, казалось – можно было достать до него рукой, но на панели приборов все равно никак не загорались лампочки, сигнализирующие о захвате цели. Андрей повернул своего «Бизона» еще немного, скинул предохранитель на штурвале, со всей силы вдавил гашетку. Истребитель затрясся, загрохотал, выплескивая шквал пушечных снарядов. Он явственно увидел, как трассеры вытянулись к вражеской машине, как коснулись ее фюзеляжа – но проклятый американец летел, как ни в чем не бывало, и даже скорости не снизил. Оставалось одно – таран. Не прекращая огня, Андрей сделал «горку» и обрушился на «Раптор» сверху, воображая, как от того отлетает оперение, стекла фонаря, куски обшивки. Но стоило подняться выше, чуть сбросить тягу – и пиратский самолет вновь предстал во всей красе, без единой царапины!

«Значит, это компьютерная игрушка», – с чувством острой обиды понял Андрей и... проснулся.

Будильник, продолжавший стрелять длинными очередями, показывал шесть часов сорок минут, если не считать быстро прыгающие, зеленые циферки

секунд. За окном плотной серой пеленой висели подсвеченные уличными фонарями, влажные сумерки. Андрей приподнялся на локте, хлопнул по кнопке звукового сигнала, с надеждой глянул на нижнюю строку. Там злорадно светилось английское «thursday». Значит, день не выходной.

- Андрюша, ты встал? - слышался за дверью женский голос.

- Так еще только без двадцати семь, мама, - откинулся на подушку паренек. - Мне еще два часа до школы спать можно!

- Какие два часа? - Распахнулась дверь. - Ты помнишь, что мне вчера обещал? Что утром всю математику сделаешь. Надо было не «Назад в будущее» до полуночи смотреть, а уроки делать. Тогда бы и выспался. И поменяй наконец звук в будильнике! Дождешься, соседи милицию вызовут. Скажут, перестрелка у соседей.

- Пусть вызывают, - отмахнулся мальчик. - За будильник еще никого не сажали.

- Ты это отцу объяснишь, когда ему выбитую дверь чинить придется. Давай, поднимайся, нечего бока отлеживать! Смотри, нахватаешь двоек - в институт не поступишь, в армию на два года загремишь. Там тебе враз все мозги отобьют, тупым солдафоном по гроб жизни останешься.

- Ну, что ты говоришь, Оля? - вступил в разговор густой мужской бас. - Какие солдафоны? Армия - школа жизни, через нее каждый мужчина пройти должен.

- Армия - это та школа, которую лучше пройти заочно. И не сравнивай свое время и нынешнее. Теперь в армии только калек делают да мозги последние парням высушивают. И зачем она вообще нужна? Мы чего - воевать с кем собираемся? Вот кто хочет, тот пусть и служит. А нормальному мужчине о жизни и карьере думать нужно.

- Все, я пошел.

- Да, сейчас. Давай, Андрюша, вставай, садись за уроки. Отца провожу - приду проверю.

Старшеклассник вздохнул, откинул одеяло и, отчаянно зевая, принялся натягивать джинсы. Сверху надел рубашку со множеством мелких пуговиц. Все равно ведь потом в школу напяливать придется. Сел к столу.

Он не очень понимал, почему его должны забрать в армию, если он не возьмет именно эти несколько интегралов, но спорить с матерью было бесполезно. Опять же срок в два года за неуспеваемость, о котором ему постоянно твердила родительница, был довольно внушительным аргументом. Два года «срочной»... За что? На фиг ему это надо! Набрали бы узбеков каких или таджиков – и пусть служат. Это им все равно – что здесь улицу за двести баксов подметать, что на плацу маршировать. А он себе дело поинтереснее найти сможет. И когда же наконец эту «контрактную армию» введут? Хотя до окончания школы никак не успеют. Всего год остался. Три года с хвостиком до восемнадцати лет. Не успеют.

Интегралы оказались простенькими – пара производных, график от руки, – и через полчаса он уже был свободен. Сон, впрочем, все равно уже пропал, а потому оставшийся час он провел с «одноглазым другом», компьютером, в авиасимуляторе гоняясь на лихом индийском «Миг-21» за «Торнадо» и «Еврофайтерами». Напоследок он опять попытался завалить «Раптора», но «F-22» легко ушел на форсаже, а потом долбанул его ракетой откуда-то слева. Чтобы сбить американца, «двадцать первого» нужно было проапгрейдить до уровня «Бизон», но заработанных на дряхлых «Фантомах» и корявых «европейцах» очков для решительного рывка никак не доставало – лишь на топливо и ракеты.

На вторую атаку времени Андрею уже не хватило. Только переодеться, наскоро проглотить две сосиски и картофельное пюре, запить это кислым апельсиновым соком, в котором, по маминому мнению, содержалось больше всего витаминов, и – рвануть в школу.

Алгебра и начала анализа шли первым уроком. Тут же стало понятно, что вскакивать до света не имело ни малейшего смысла: проверять домашнее задание математичка не стала, тут же приступив к анализу точки перегиба. Андрей слушал вполуха, больше глядя не на доску, а на Вику Аминева, что сидела впереди в правом ряду, через парту.

Он сам не знал, почему одноклассница стала так его притягивать. Что-то изменилось в ней в этом году. Те же длинные каштановые волосы, те же ямочки

па щеках, тонкие губы, те же пронзительные голубые глаза. Но... Но ему хотелось смотреть на нее снова и снова. Смотреть, как она поправляет волосы над ухом с маленькой золотой серьгой, как улыбается, как перебирает пальцами ручку, слушая учителей.

Нередко Вика ловила его взгляд, оборачивалась, но он каждый раз успевал уткнуться носом в тетрадь или учебник, делал вид, что занят чем-то своим.

Глупо, но именно в этот год он как-то ни разу не нашел повода подойти, поговорить с ней. Предложить сходить куда-нибудь, хотя бы в кино. В прошлом году как-то естественно все получалось, нормально общались. А в этом... Две недели учебы, глаза каждый день поедом едят, а ноги к Вике не несут.

«Сегодня подойду, – решил он. – Сегодня обязательно подойду. Нет, не сегодня. Прямо после урока подойду. Все, подойду. Подойду...»

Ноги опять предательски заболели, и сильная тянущая боль внезапно скрутила живот. Настолько сильная, что он согнулся, едва не врезавшись лбом в столешницу парты. К счастью, никто этого не заметил – не то смеху было бы...

«Ничего себе... – удивился Андрей. – Это что, робость так проявляется? Не хило... Все равно подойду! Решил так решил...»

Боль, словно смиряясь пред его волей, отступила, позволила выпрямиться и перевести дыхание. Едва зазвенел звонок, Андрей, отрезая себе пути к отступлению, резко выдохнул:

– Вика, можно тебя на минуту?!

Аминева вздрогнула, вскинула ладонь к левому уху, шевельнула темными и пушистыми, как беличья кисточка, бровями.

– Ну, вот я... А что случилось?

– Ничего... – Про то, что он будет говорить, Андрей подумать не успел. – Скажи... Скажи... Ты где летом была?

- В разных местах, - пожала она плечами. - В Геленджике, на даче, на экскурсии по Золотому кольцу. Ты из-за этого меня звал? Я уж подумала, случилось что. Серьгу потеряла, или еще что-то такое...

- Не потеряла, - мотнул головой он. - Ты не беспокойся, я за ней следить буду. Хорошо?

- А-а, так ты за ней смотришь? - улыбнулась девушка. - Тогда понятно.

Андрею вдруг страшно захотелось ее поцеловать, попробовать своими губами вкус ее алых влажных губ. Настолько сильно - он даже побоялся, что мысли проявятся на лице, а потому повернулся и принялся торопливо собирать рюкзак, скидывая в него учебники и тетради.

- Так это все? - поинтересовалась Аминева.

- Нет, не все. - Задержав молнию, он кинул рюкзак на плечо, повернулся - и взгляд почему-то уперся именно в ее грудь, с силой выпирающую из-под кремовой блузки с вышивкой под воротником. Юбка плотно облегла широкие бедра. Ну, почему ему самолеты компьютерные снятся, а не Вика?! Ведь во сне он мог бы позволить себе с ней все, что угодно...

- Зверев, ты меня слышишь?

- Ну да, конечно.

- Чего ты еще хотел сказать?

- Я? - удивился Андрей. - Ах, да. Давай я твой портфель до химии отнесу, тяжелый ведь, наверное?

- Нет, не тяжелый. Я половину учебников не ношу. Зачем, если они только дома, когда уроки делаешь, нужны? То есть, - спохватилась девушка, - спасибо. Отнеси, если не трудно. Конечно. А почему ты про лето спросил?

- Любопытный я, Вика. А что, не так что-то?

– Да нормальное лето получилось! Самые дожди на даче пересидела, и никто на грядки не выгонял. А потом в Геленджик поехали... – Вслед за остальным классом они вышли из кабинета. – Ты знаешь, Андрей, я шашлыка, наверное, на всю жизнь наелась. Там на каждом перекрестке мангалы стоят. Пиво, вино и шашлыки. Мы с отцом эти шашлыки и на завтрак, и на обед, и на ужин ели. Целый месяц – одни шашлыки. Mamочки мои, если меня кто-нибудь теперь на шашлыки за город позовет, я тому всю рожу исцарапаю!

– Не буду, – пообещал Зверев. – А мы на Волге были. Отца туда в командировку посылали, он меня с собой взял. Мы там каждый день на рыбалку ходили, и на выходные ездили. Какие там щуки! А окуней я один раз за час ведро наловил. И леща вытащил, размером... ну, с твой портфель.

– Врешь ты все, Зверев, – мотнула она головой. – Не бывает таких больших лещей!

– Спорим, бывают! – обиделся Андрей.

– И на что спорить?

– Ну... Давай на поцелуй, – окончательно обнаглел он.

Но Вика на подобное предложение не обиделась, только глянула искоса и поинтересовалась:

– Это как?

– Ну, как обычно, – пожал плечами Андрей. – Если я выигрываю, тогда я тебя целую. А если проигрываю... Ну, тогда, значит, все по-твоему, тогда ты меня целуешь.

– А чем доказать сможешь?

– Отца можно спросить.

– Подожди... – остановилась Амршева. – Ты меня, я тебя... Ну, ты жулик, Зверев!

– Так мы поспорили?

– А ты все равно не докажешь, жулик! – Она решительно двинулась вперед. – Мало ли кто чего говорит? Жулик!

Однако своего портфеля она не потребовала, да и убежала вперед, дернув плечиком, всего на пару шагов. Плечи, талия, бедра, ножки в колготках, туфли на низком каблуке... Андрей отвел глаза, глянул на встречную девчонку из параллельного класса. Тоже плечи, тоже грудь и губы. Но воображение почему-то рисовало приоткрытые губы именно Вики Аминовой – и все!

Первая перемена короткая – звонок зазвенел почти сразу, как класс успел собраться перед кабинетом химии. Раиса Михайловна открыла дверь, и он, мимоходом поставив портфель однокласснице на стул, снова занял свое место слева и сзади от Вики. На уроке она больше не оборачивалась на его взгляд, но волосы за ухом поправляла вдвое чаще прежнего.

Во время второй перемены он донес портфель Вики до кабинета географии, потом Вика разговорилась с Ирой Ершовой, и они куда-то пошли. Андрею тоже нужно было отлучиться – но до туалета он не добрался. Посреди коридора его вдруг перехватили Баршак, Страхов и Ганус, прижали к стене.

– Ты чего это портфельчики чужие таскаешь?

Самым крупным из троицы был Баршак – почти на голову выше всех и вдвое шире в плечах. Но заводилой в компании всегда являлся хитрый остроносый Ганус, фантазия которого была неистощима на всякие пакости и просто развлечения. То он придумывал планы из камер сделать, чтобы на озерце за высоковольтной линией кататься, то указку историку селитрой пропитать, то ссору во время уборки спортзала затеять и «случайно» девчонок водой окатить, чтобы сиськи через мокрые футболки рассмотреть. Именно он и зашептал зло Андрею прямо в лицо:

– Нравится чужие шмотки таскать? Так ты наши носи, понял?

– Чего «ваши»?

– Рюкзаки наши носи, понял?

– А почему это?

– Потому что иначе мы тебе каждую перемену морду будем чистить, понял? – Ганус схватил его за горло, прижал к стене: – Не слышу ты понял?

– Я... – Андрей попытался оттолкнуть одноклассника от себя, но не со всей силы. Он отлично понимал, что дай он хоть один повод – Баршак и Страхов тут же начнут драку Или, скорее, избиение: куда он один против троих? Да еще когда каждый из врагов заметно сильнее? Тут особо не по выступишь.

– Ты, ты, – кивнул Ганус. – Чтобы после этого урока взял наши рюкзаки и отнес на историю. Понял, зубрила? Не то мы твой фейс так начистим, что оттебя даже компьютер шарахаться будет, понял? И попробуй только смыться, мы тебе мозги быстро вправим, умник. Чего молчишь? Слышал, чего тебе сказано? Ну?! – Ганус тряхнул рукой, крепче сжав его горло.

– Слышал...

– Чего слышал? – потребовал ответа Страхов.

– Портфели носить... – вынужденно повторил Андрей Зверев, мысленно уже поклявшись, что не сделает этого никогда в жизни. Но пока приходилось говорить то, что заставляют.

– Вот и молодец. – Хватка на горле ослабла. – И не вздумай таскаться за Аминевой, она моя.

– А может, она не хочет? – На этот раз Зверев попытался повысить голос и двумя руками отпихнул от себя одноклассника. Тут же голова дернулась назад от сильного удара в правую скулу.

– Тебя не спросили, – хмыкнул Страхов и ударил еще раз, но уже не так сильно.

Андрей рванулся на него – и вдруг его скрутило резкой болью под ребрами справа. Зверев застонал, сполз по стенке на пол.

– Уже и заплакал, сосунок, – подвел итог Ганус. – Смотри, рядом с Аминовой еще раз увижу – вообще урюю. Ладно, пошли, пусть утрется.

Боль не отпускала, однако постепенно притуплялась, сменяясь подташниванием. Когда зазвенел звонок, он даже смог подняться и дойти до класса, сесть на свое место. Географичка с ходу понесла что-то про население южной Африки, но Зверев ее не слушал, пытаясь сдержать непрерывные рвотные позывы. А когда стало невмоготу – сорвался с места, кинулся из класса к питьевому фонтанчику в рекреации, склонился над ним и... Тошнота тут же отпустила.

– Эй, Зверев, что за фокусы? – окликнула его от дверей класса курносая географичка со втянутой в плечи, словно вбитой сильным ударом, головой.

– Кажется, съел чего-то не то, Марья Ивановна, простите. – Он отпил немного воды, медленно выпрямился. Боль не отпускала, но оставалась на терпимом уровне. Тошнота прошла совсем. – Я сейчас...

– Ты, Зверев, коли болен – иди в медпункт, коли прикидываешься – тогда к директору А на уроке не фокусничай.

– Я сейчас... – Он медленными шагами вошел в класс, сел за парту.

– А зубрилка наш со страху совсем сбрендил, – громко сказали сзади.

Андрей резко повернулся на голос – и в глазах потемнело от боли. Кажется, он даже застонал.

– Зверев, Зверев... – Географичка подошла ближе, наклонилась. Положила руку ему на лоб. – Э-э, Зверев, да у тебя температура! Ну-ка, давай бегом в медкабинет! Нечего нам тут рассадник гриппа устраивать.

Отвечать у Андрея сил не было. Стараясь не делать резких движений, он поднялся, вышел из класса и отправился на первый этаж.

К счастью, медичка оказалась на месте. Похожая на школьницу блондинка в белом халате, с маленьким носиком и огромными, вечно удивленными глазами

над розовыми, как у новорожденного поросенка, щеками сидела за укрытым толстым стеклом письменным столом и, сделав губки бантиком, напряженно читала малоформатную книжонку в мягкой потрепанной обложке. Наверное, какой-то женский любовный роман.

- Чего тебе? - не отрываясь от книги, спросила она. Видать, у больших глаз обзор хороший.

- Под ребрами болит.

- Сверху, снизу? - Она перелстнула страницу.

- Здесь, - показал Андрей.

- Снимай пиджак, рубашку, садись на топчан. Кашель есть?

- Нет... - Он начал раздеваться.

Медичка, кивая головой, сочувственно вздохнула, сунула меж страницами иглу от одноразового шприца и захлопнула книжку. Поднялась, вставила в уши черные наконечники стетоскопа:

- Давай, дыши... - Она быстрыми движениями попереставляла чашку своего инструмента в разные места грудной клетки, потом повесила стетоскоп на шею. - Рот открой. К окну повернись... Нет, все в порядке. Хрипов у тебя никаких, горло не красное. Так что одевайся и топай на уроки. Здоров.

- У меня здесь болит... - опять показал на нижние ребра Андрей. - Очень сильно.

- Ладно... - вздохнула блондинка, открыла шкаф, достала градусник: - Вот, держи.

Она глянула на часы и снова уселась за книгу. Зверев сунул градусник под мышку, откинулся назад, к стене - боль ослабла. Он замер, боясь упустить удобное положение, а мысли сами собой перескочили к Вике. Что у нее было с Ганусом? Она с ним встречалась? Может быть, уже... Уже целовалась? Почему она ничего не сказала? Или это Ганус все врет? Хотя - а чего бы ей это говорить?

Ведь он всего лишь отнес ее портфель!

Так и прошло несколько минут, пока медичка, злобно вонзив в книжку иглу, не выдернула у него термометр:

- Та-ак... - задумчиво протянула она, глядя на ртутный столбик. - Ну, и что скажем?

- Сколько там? - спросил Андрей.

- Чем греем, мальчик?

- Что?

- Ты меня совсем за дуру считаешь? У тебя ни кашля, ни чиха, ни хрипа, гланды не опухшие - а на градуснике температура! Чем грел?

- Ничем... - Зверев даже не шевельнулся в ответ - боялся, что боль под ребрами снова вернется.

- Ну да, ты больной, а я римский папа... - Медичка профессиональными движениями прощупала его бока, топчан за спиной, школьный пиджак, рубашку. - Ну что, сознаваться будешь или к директору пойдешь?

Андрей промолчал.

- Нехорошо... - подумав, кивнула блондинка. - Ты домой хотел, освобождение получить? Будет тебе сейчас освобождение, но полной программе... - Она сняла трубку с телефона, набрала номер из двух цифр. - Здравствуйте. Это тридцать пятая школа, медицинский пункт. У меня подозрение на воспаление легких у учащегося, в тяжелой форме. Нужна срочная госпитализация. Да, жду.

У Зверева начали затекать плечи - все же поза его была не очень удобная. Он качнулся вперед - боль тут же напомнила о себе. Попытался откинуться в левую сторону - стало хуже. Качнулся вправо - вроде ничего. Тогда он полностью завалился на правый бок и замер, сложив руки на груди.

– Будет тебе освобождение, – тем временем злорадно пообещала медичка. – Полное освобождение. С такой температурой тебе не телевизор дома на диване, а полная госпитализация положена. Поколют витамины пару дней в задницу большим шприцем, клизму сделают, бромчиком попят – быстренько поймешь, как здоровье беречь надо.

Единственное, чего не успела пообещать блондинистая врачевательца за те двадцать минут, которые они ждали «скорую», – так это того, что, если он не перестанет болеть, его обязательно «забреют» в армию.

Наконец дверь распахнулась, вошел усатый круглолицый мужчина с грузинским горбатым носом, и комнатенка наполнилась запахом свежего хлеба. Из-под руки гостя выглядывала невысокого роста женщина в халате и в белой косынке, с кожаным саквояжем в руке.

– Добрый день, где больной, на что жалуется?

– Подозреваю воспаление легких, – подпрыгнула на стуле медичка. – Жалуется на боли в грудине, температура высокая. Шумов в легких нет, горло не покраснело...

– И давно он в такой позе лежит? – прищурился гость, подошел ближе. – Тошнота есть? Что скажешь, герой? Тошнило, рвало?

– Тошнило, – тихо подтвердил Андрей.

– Ты попытайся сесть, мой мальчик. Только осторожно. Вы о симптоме Ситковского слышали, милочка? – повернулся мужчина к блондинке. – Учились где-нибудь, или мама сюда пристроила?

– Я? – запнулась медичка. – Училась, конечно...

– Тогда ответьте, почему он на левый бок не поворачивается?

– Неудобно, наверное...

– Ну-ка, мальчик... – Мужчина присел перед Андреем, мягко нажал пальцами куда-то ниже пупка, и буквально все тело отозвалось резкой болью.

Зверев громко охнул.

– Все, все, больше не трогаю, – пообещал врач. – Ты правую ногу только выпрями и осторожно попытайся поднять. Не торопись!

Андрей стал выполнять команду – но опять его старания пресек приступ боли.

– Все, опускай. Вика, носилки. И предупреди диспетчерскую, что у нас «острый».

– Я сам дойду, – предложил Зверев. Но мужчина махнул рукой:

– Лежи! Мне только перфорации отростка не хватает.

– Аппендицит! – наконец-то дошло до блондинки.

– Вот именно, милочка, – кивнул врач. – Вы при таких признаках обязаны немедленно антибиотики прокалывать на случай перитонита, а вы книжонки глупые читаете. Рад был знакомству. А ты лежи, мой мальчик, все нормально будет. Чай, не шестнадцатый век на дворе, у нас из-за аппендикса не умирают. Сегодня его из тебя выдернут, а дня через четыре на своих двоих домой уйдешь. Тебе сейчас главное мышцы не напрягать, чтобы нарыв не лопнул. Ага, вот и носилки. Ну, герой, поехали.

Через минуту Андрей Зверев, укрытый рубашкой и пиджаком, мчался в холодном салоне медицинской «ГАЗели», а еще через полчаса его на этих же носилках уже катили по длинному больничному коридору. Перед дверьми с надписью «Операционная» медсестры с помощью врача переложили его на другие носилки, убрали сложенную на груди одежду и принялись стягивать носки.

– Успеха, герой, – подмигнул ему мужчина и покатил носилки обратно.

Андрея тем временем лишили брюк, в голом виде закатили за дверь, где оказалось весьма прохладно.

– Зверев? С матерью твоей из школы уже созвонились, скоро приедет. – Полуобнаженный старикан в белой бандане и мясницком фартуке, но в очках и с благообразной бородкой пробежал пальцами по его животу, кивнул: – Настя, сполосни его хлоргексидином и спиртом протри. Вы как относитесь к новокаину, молодой человек?

– Не знаю, не пробовал, – ответил Андрей.

– Значит, попробуешь, – пообещал старикан. – Как закончишь – на второй стол его клади. Тут ничего сложного, не задержим.

– У него свежий шрам на правой скуле, Михаил Сергеевич.

– Да? – Врач наклонился к его лицу. – Думаешь, нервный мальчишка попался?

– Вы же знаете, Михаил Сергеевич, сейчас проще такого, нежели нормального встретить.

– Ладно, Настя, скажешь анестезиологу – под общим работать будем. Оно и с новокаином меньше риска. Все, я руки мыть пошел, готовьте его...

Андрею обильно полили живот какой-то жидкостью, протерли бинтом, опять полили, но на этот раз потеряли ватным тампоном. Носилки дрогнули, покатались дальше, еще за одну дверь. Зверев увидел большущий плафон с фарами – как в зубокабинете. Его переложили на нечто, формой напоминающее распятие, причем руки тут же развели в стороны и прихватили бинтами. Сестра, которую называли Настей, подкатила капельницу, стала прицеливаться иглой в вену.

– А как же наркоз? – забеспокоился Андрей, опасаясь укола не столько из-за боли, сколько из-за ощущения полной беспомощности. Наверное, именно так чувствует себя приготовленная для препарирования лягушка.

– Все будет, все будет, – пообещал старикан, неведь как оказавшийся у его бедра. – Здесь болит? А здесь?

По животу опять побежали холодные пальцы. В какой-то момент тело ответило на прикосновение болью, и старик кивнул:

- Давайте! Ты, кстати, в каком классе учишься?

- В девятом, - ответил Андрей. - У нас десятилетка, как раньше.

- Это хорошо, - кивнул старик. - Считать, надеюсь, научился?

- Да.

- Сколько пальцев? - выставил он свою пятерню.

- Пять.

- А так?

- Четыре.

- Верю, мальчик, учишься хорошо, - улыбнулся старик, и на лицо Андрея легла маска. - Но давай попробуем еще раз. Сколько пальцев?

Старшеклассник напрягся, пытаясь разглядеть руку, но перед глазами стремительно сгустилось какое-то красно-коричневое марево.

Андрей тряхнул головой, шире открыл глаза. Марево рассеялось. Он увидел светло-коричневые, плотно подогнанные доски, по которым скакали разноцветные зайчики. Тело ощущало приятную легкость, плавало в чем-то теплом и ласковом.

«Это я чего, вниз головой над полом вишу? - подумалось Звереву. - Хотя полы тут, в больнице, должны быть с линолеумом».

Он попытался перевернуться, взмахнул руками, хлопнул по чему-то мягкому и сел в постели, опершись на выставленные назад руки. Его взору открылась обширная палата с бревенчатыми стенами, ломаным витражным, но

одноцветным окном. Да и коечка у него была явно не казенная – размером с половину домашней спальни.

– Андрюшенька, дитячко мое! Очнулся, исцелился, миленький! Вернулся, вернулся ко мне, кровинушка! – Рассмотреть комнату подробнее он не смог, поскольку его сгребла в объятия какая-то тетка и принялась тискать, словно кусок пластилина. – Радость моя, солнышко единственное, чадо мое любое! Да ты, вестимо, голоден, что зверь лесной? Почитай, неделю росинки маковой во рту не бывало. Я сей же час, стряпухам крикну. Принесут чего быстренько...

Тетка вышла, оставив Андрея одного, и он смог осмотреться еще раз.

Палата была обширной, не меньше двадцати метров. Дощатый пол, такой же дощатый потолок. Стены срублены из бревен в пол-обхвата, но за изголовьем шла широкая полоса изразцов. Окно собрано из небольших кусочков неправильной формы, клеенных в светлую оправу – то ли из олова, то ли из свинца. Скорее, олово – свинец ведь мягкий слишком. Справа, в дальнем от окна углу, за небольшими занавесочками, стояла на полке темная икона с болтающейся на окладе крохотной медной рукой. Или золотой?

Еще на стене висел широченный, с ладонь, ремень с саблей, ножами и еще какими-то мешочками и подсумками. Под ним – застеленный красно-синим войлочным ковриком сундук, и под иконой – еще один. Возле окна стоял полутораметровый деревянный пюпитр, чуть дальше имелся высокий, но узкий темно-вишневый шкафчик с вычурной резьбой. На подоконнике пылились два трехрожковых подсвечника без свечей, а на пюпитре – масляная лампа с длинным носиком, из которого выглядывал почерневший фитиль. С улицы доносились коровье мычание, кудахтанье кур, бляенье, лай, гоготание – в общем, звуки живой полной жизнью сельской глубинки. А чего тут не имелось – так это люстры, розеток, фонарей, ламп, компьютера, телевизора, магнитолы и стола со стопкой учебников и тетрадей.

– Однако, – пробормотал Зверев, закончив осмотр, – классно меня ширнули. Интересно, это у всех общий наркоз так проходит, или у меня одного глюки? И главное, натурально все так... Не то что за фантомами бессмертными по небу гоняться.

Мысль о том, что наркоз может вот-вот кончиться, заставила его подняться, пройти по холодному влажному полу к окну. Ему хотелось увидеть, что творится снаружи, за окном – но не тут-то было!

Вблизи выяснилось, что вместо стекол в окна вправлена тонкая слоистая слюда, сквозь которую различались только полутона: справа что-то темное, сверху светлое, слева опять темное.

Он попытался сдернуть крючки запора – и тут впервые обратил внимание на свои руки. Смуглые мясистые пятерни украшали два крупных золотых перстня, один из которых был к тому же с печаткой, а другой имел посередине глубокую бороздку. Это были совсем не те пальчики, которыми он стучал каждый вечер по клавиатуре, катал мышку и крутил джойстик. Хотя и мозолей на ладонях он не нашел – Андрей из наркозного сна тяжелым трудом все же не занимался.

Зверев торопливо ощупал себя, опустил глаза вниз. На нем висела длинная, до колен, полотняная рубаха с разрезами по сторонам и завязкой иод горлом. На шее болталась льняная нитка с нательным серебряным крестиком.

– Зеркало, – закрутился он. – Зеркало хочу! Зеркала в палате не было. Хотя какая же это палата? В больницах ничего подобного не бывает. Даже в психлечебницах – если его вместе с глюками занесло именно туда. Андрей прыгнул к поясу на стене, дернул из пожен клинок. Из полоски полированной стали глянули все те же карие глаза, которые он каждое утро наблюдал в зеркале над умывальником. Каштановые волосы, чуть приплюснутый нос, широкие губы, слегка ушедший назад подбородок – мать все обещает в поликлинику отвезти, прикус правильный сделать.

Хотя клинок – это, конечно, не зеркало. Не такой ровный, не такой большой. Картинку искажает.

– Никак, спала горячка, барчук? Ну и славно! А то дворня о недобром бормотать ужю начала...

В дверь без стука заглянул похожий на сказочного лесовика мужичок. Ростом с Андрея, одетый в похожую рубаху, но с красной оторочкой понизу, он оброс торчащими во все стороны русыми с проседью волосами так, что наружу выглядывали только глаза и кончик носа. Его борода, сливаясь с усами в единое

целое, плавно перетекала в лохматую шевелюру, укрытую лишь небольшой тубетейкой. Самым забавным в лице незнакомца были тонкие, изящно изогнутые брови, словно украденные с лица какой-то прелестницы.

- Ты как, подыматься надумал али еще отдохнуть мыслишь? Сил-то опосля колик совсем, небось, не осталось?

- Каких еще колик? - не понял Зверев.

- Дык, на прошлой седмице слег ты, барчук, с коликами брюшными. Да так занедужил, что вскорости и вовсе в беспаятство впал. Нешто не помнишь? Хотя, коли в беспаятстве, може и не помнишь...

- А ты кто?

- Я? - Мужичок вздрогнул, склонил набок голову: - Дядька я твои, Пахом Белый. То Белым на дворе кличут, то Пахомом... Боярин к тебе, барчук, для воспитания приставил... Не прилечь ли тебе, сердешный? Гляжу, не отпустила еще горячка-то!

- А я кто?

- Ты - Андрей Лисьин, боярина Василя Лисьина сын. Нечто и это забыл, дитятко мое?

- Не знаю... - зачесал в затылке Зверев. - Мне сейчас пятнадцать лет?

- Пятнадцать годков от роду набежало, - согласно кивнул дядька.

- А маму мою зовут Ольгой?

- Матушка наша, боярыня Ольга Юрьевна, - признал Пахом. - Стало быть, помнить, барчук? А я уж спужался.

- Сыночек! Андрюша, в трапезную пойдём. Федосья балык и сбитень принесет, да хлеба. Перекусишь покамест, а опосля вечерять будем... - В комнату зашла хозяйка, бросила на сундук штаны, длинную безрукавку, поставила на пол синие

сапоги с набитыми по верху голенища желтыми пластинами.

– Мама? – неуверенно предположил Андрей. В лице женщины угадывались многие знакомые ему черты, но все облачение: повойник, сарафан, из-под которого проглядывала нижняя рубаша и пачка юбок, тяжелые золотые серьги и перстни с крупными изумрудами и рубинами – делали ее совершенно неузнаваемой.

– Да, чадо мое, – улыбнулась женщина. – Одевайся. Вижу, молитвы мои пошли на пользу. Лихоманка ушла. Откушаешь, ветром свежим подышишь, ввечеру баньку стопим, пропаришься. Не останется ни следа от твоей горячки. Пахом, помоги ему.

– Помогу, помогу, матушка. А ты чего же не опоясался, барчук? Не дай Бог, опять бесы какие прилипнут, чур меня, чур... – Дядька торопливо перекрестился, после чего подобрал в ногах кровати тонкий пеньковый шнурок и протянул Звереву.

Андрей принял веревку, покрутил перед собой, раздумывая, на какое место его нужно намотать.

– Прямо как дитя малое! – Бородач отобрал шнурок, решительно обвязал паренька на поясе поверх рубашки, снял с сундука белые полотняные штаны, протянул.

Зверев надел их, отпустил – портки поползли вниз. Пахом хмыкнул, поддернул на место, вытянул из пояса копчики матерчатой тесьмы, завязал, встал на колени и соорудил «бантики» из завязок на щиколотках, плотно притянув штанины к ноге. – Шаровары-то сам надеть сможешь, али тоже подвязать?

Зверев взялся за штаны из плотной шерстяной ткани, натянул, завязал бантик на поясе – внизу «хвостиков» не было. Закрутил головой в поисках носков. Как бы не так! Вместо них заботливый дядька протянул байковые портянки:

– Давай, барчук, наматывай. Бо холодно нынче на улице.

Андрей задумчиво уставился на полоски ткани, и Белый, тяжело вздохнув, принялся их накручивать:

– Ты хоть ногой к полу угол прижми, барчук! Неудобно же!

Последней была надета темно-синяя суконная жилетка почти до колен, расшитая спереди и на спине рисунками в виде треугольников, с несколькими квадратными бархатными заплатами, украшенными бисерными тюльпанами, с пуговицами в виде палочек из сладко пахнущего сандалового дерева и тонкой меховой оторочкой спереди и вокруг ворота – вместо привычного Звереву воротника. Одевание это Пахом насколько раз назвал ферязью, и спорить с ним Андрей, естественно, не стал.

– Управились, – застегнув последнюю пуговицу, облегченно вздохнул дядька. – Ну, айда в трапезную, голоден ты, мыслю, ако зверь дикий. Девять ден не жрамши! Варя тут пока приберет. Али прилечь опосля хочешь?

– Зря, что ли, одевался так долго? – усмехнулся Андрей. – Нет, не лягу. Осмотреться хочу.

Он остановился у двери, постучал ногой по крайней доске. Из нее выходили два шипа, вверху и внизу, которые попадали в отверстия соответственно на полу и потолке. Вдоль косяка шла кожаная полоска – наверное, чтобы не дуло. Это была первая дверь без петель, которую Зверев видел в своей жизни. Забавно, что наркотический сон способен предусмотреть подобную мелочь. Сны, вообще-то, обычно ограничиваются перебиранием того, что есть в памяти, и никогда не показывают ничего нового и неведомого. А тут – нате вам! Дверь без петель, на поблескивающих салом подпятниках.

– Идем, барчук. Матушка, небось, заждалась.

– Да, идем, – кивнул Андрей, притворяя дверь за деревянную ручку.

В широкой горнице, на угол которой выходила лестница, ничего странного не обнаружилось, если не считать бревенчатого потолка, затянутых чем-то, похожим на пергамент, окон и сплетенных из тряпочных обрезков половиков. Лестница со скрипучими ступеньками тоже мало отличалась от тех, по которым Звереву приходилось бегать в реальности. Ну, деревянная, а не каменная, как в школе или дома – что с того?

Зато трапезная поразила его изрядно. Помещение было размером с половину баскетбольной площадки, потолок подпирали четыре стоящих ровным рядом, резных деревянных столба. Укрытые скатертями столы разворачивались ко входу основанием буквы «П» и могли вместить, наверное, с сотню гостей – и то если не тесниться. Вдоль столов тянулись укрытые толстыми пушистыми коврами скамьи, но во главе стола возвышалось кресло – разумеется, резное, темно-темно-красное, с высокой спинкой, обитой чуть более светлым бархатом, и широкими подлокотниками, на каждом из которых легко разместился бы обед из школьной столовой: две тарелки с супом и вторым, компот и два кусочка хлеба. Еще для ложки, вилки и тарелки с пирожком место бы осталось.

Пирожки, кстати, имелись в наличии: низкое блюдо с десятком румяных пирожков, деревянный ковш, над которым струился белый парок, и массивные бутерброды ждали его на углу стола, справа от кресла. Андрей ощутил, как у него и вправду засосало под ложечкой, быстрым шагом прошел к угощению, перебрал ноги через скамью, сел.

– Кушай, кушай, сыночек, – предложила стоявшая рядом «матушка боярыня Ольга Юрьевна», но стоило ему протянуть руку к пирожку, как она испуганно охнула: – Как же ты, не помолившись, Андрюша?

Зверев замер от неожиданности, но сюжет забавного сна решил не разрушать, сложил руки перед грудью, пошевелил губами, размашисто перекрестился, после чего схватил облюбованный пирожок и принялся уплетать.

Пирог оказался с рыбой и грибами. Сочетание неожиданное – но на вкус приятное. Вот только тесто было суховатое. Паренек придвинул к себе ковш литра в полтора, отхлебнул светло-коричневого напитка и поперхнулся от неожиданности: горячий напиток был злобно пряным, в нем ощущалась и корица, и миндаль, и ваниль, и мед, и что-то очень терпкое, и, кажется, даже перец. Андрей прокашлялся, снова отхлебнул. Теперь, когда он был готов к такому невероятному букету пряностей, жгучий напиток легко проскочил в горло. Юноша почувствовал, как он сразу разлился по жилам, согревая тело до кончиков ушей и пальцев на ногах, взбодрил разум, прогнал остатки сонливости.

Отставив ковш, Андрей потянул к себе бутерброд с толстым ломтем копченой рыбы... и замер. До его сознания наконец дошло странное понимание того, что все, что он только что ел, – вкусно. Причем угощение не просто имело вкус – оно имело вкус ярко ощутимый, а напиток – даже резкий.

– Что ты, дитяtko? – забеспокоилась боярыня. – Поперхнулся? Так ты сбитнем запей.

Андрей кашлянул, сделал пару глотков. Сбитень был горячим, остреньким, сладким. Острым и сладким настолько, что даже наяву такой вкус не часто ощутить...

Во сне со Зверевым случалось всякое. И в пропасть падал, и «Хорнеты» сбивал, и в море купался, и шашлыки ел. Но и невесомость падения, и холод морской воды, и жар горящего самолета, и вкус шашлыков всегда были слегка «картонными», ненастоящими. Огонь не обжигал, холод не выстуживал. Пища осязалась, но не имела вкуса. А тут... Он – ощущал! Он чувствовал вкус еды, вкус незнакомый, вкус, который невозможно придумать, а уж – тем более – вообразить во сне, увидев глазами. Эта была такая же настоящая еда, как та, что он ел в столовой. И вдобавок – она утоляла голод и жажду. Во сне же, как известно, сколько ни ешь, а если голоден – голодным и останешься.

– Ты кушай, кушай, – напомнила женщина.

– Спасибо... – Он откусил край бутерброда с рыбой, принялся медленно жевать, теперь уже вполне сознательно прислушиваясь к ощущениям. Это была рыба, по вкусу похожая на форель, но только белая. В меру жирная, в меру сочная, почти несоленая. Настоящая...

– Господи, как оголодал, кровинушка, – погладила его по голове боярыня. – Прямо с хлебом балык кушает!

– Матушка Ольга Юрьевна, – заглянула в дверь пухлая женщина в повойнике и белом платье с коротким рукавом. – В погребе, никак, крынки с гусями тушеными потрескались.

– Да ты что? – охнула боярыня и быстрым шагом устремилась к ней. В дверях она оглянулась, кивнула: – Кушай, Андрюша, кушай. Вечерять нескоро будем, – и вышла из комнаты.

Оставшись без присмотра, Зверев расслабился, хорошенько приложился к ковшу со сбитнем, съел копченую рыбу, закусил парой пирожков. В животе появилась

приятная, неправдоподобная для сна тяжесть. Наелся.

Он встал, подошел к окну, но и здесь выглянуть на двор не смог – вместо стекол в раме стояла сеточка из ромбовидных пластин слюды.

Юноша пожал плечами, вышел из трапезной, пересек по длинному половику горницу, приоткрыл одну дверь – за ней оказалась большая комната с кирпичной печью. Толкнул другую – там было просто помещение с лавками, на одной из которых дремал бородач в засаленной рубахе и портах. За третьей дверью открылась еще горенка, застеленная половиками, с несколькими скамьями. Но самое главное – здесь на стенах висело несколько кафтанов, душегреек и тулупов, стоял целый ряд сапог, полусапожек и низких туфель, болталось на деревянных штырях с десятков картузов и шапок разного размера и фасона. В общем – прихожая.

Андрей пересек комнатенку, с силой толкнул тяжелую створку, сколоченную из досок в ладонь толщиной, и зажмурился от ударившего в глаза яркого света. Он оказался на высоком крыльце, поднятом над землей не меньше, чем на три метра. Сверху оно было крыто уложенными встык досками со смолистыми подтеками в щелях, ступени уходили вниз вправо, вдоль самой стены, а впереди... Впереди открывался вид на обширный двор, который можно было бы назвать хозяйственным, если бы не два могучих каменета, что стояли на дальнем углу, метясь куда-то Андрею за спину. Между ними тянулась стометровая земляная стена, в которой темные пещеры (а как их еще назвать?) чередовались с жердяными загородками. Поверх стены шел частокол в полтора человеческого роста высотой с частыми бойницами размером с голову и еще тремя довольно широкими. Напротив крупных бойниц стояли на деревянных станинах длинные, метра по два, арбалеты с деревянными дугами. Возле одного из них болтали два мужика в долгополых коричневых кафтанах, опоясанные саблями. Если прислоненные к тыну копья принадлежали тоже им, то это наверняка был караул. Или стража – как она тут должна называться?

Поразило Зверева то, что суемящиеся во дворе люди совершенно не обращали внимания на столь фантастические агрегаты. Они невозмутимо занимались своими делами. Какой-то мужик в шляпе с обвисшими полями деловито переливал воду из высокой пузатой кадки из плотно подогнанных досочек в деревянную же лохань. Из нее бок о бок пили пара телят и четыре упитанные хавроньи. Другой мужик ковырял что-то долотом в колесе с желтыми деревянными спицами, третий – опаливал факелом растянутую в рамке шкуру.

Пара теток, сидя друг против друга, ощипывали здоровенных гусей. Рядом с ними возвышались две кучки – птица голая и птица в перьях. Малышка лет пяти с прутиком в руках сидела прямо на станине одного из камнеметов, следя за роющимися в пыли курами. Куры частью крутились у ее ног, частью забрели в ближнюю «пещеру» и выклевывали что-то меж сваленных там огромной кучей камней – видимо, снарядов для «тяжелого оружия».

Впрочем, большая часть хозяйственных хлопот наверняка оставалась скрыта от глаз: справа, начинаясь от дома, к дальней стене тянулись жердяные сараи, в которых кто-то мычал, ржал, хрюкал, стучал и позвякивал, слева стояли стена к стене несколько амбаров, срубленных из бревнышек всего в голову толщиной, причем каждый имел прочную дверь с наружной железной пластиной поперек створки. За амбарами виднелся стог сена высотой с трехэтажный дом. Мало того – каждая из хозяйственных построек имела чердак, и из каждого чердака тоже выпирало плотно набитое сено.

Впрочем, Андрея больше всего заинтересовало, естественно, оружие. Он сбежал по лестнице, двинулся через двор к дальней стене и...

– Вика? – Он остановился, глядя на девицу в длинном платье, подвязанном красным пояском под самой грудью, и в платочке, из-под которого свисала чуть ниже лопаток коса с атласным бантиком. Розовые щеки с ямочками, те же тонкие губы, те же глаза и вздернутый остренький нос. Он повысил голос: – Вика?

На этот раз величаво ступающая с коромыслом на плечах девушка повернула к нему голову, смущенно улыбнулась:

– Меня кличешь, Андрей Васильевич?

– Ты кто?

– Варвара я, Андрей Васильевич, – остановилась та. – Старого Трощенка дочь, нетто не признали?

– Считай, что признал... – Зверев перевел взгляд на деревянные ведра, и его осенила мудрая мысль: – Ну-ка, поставь!

– Зачем тебе, Андрей Васильич? Никак, напиться желаешь? Так вода – она колодезная. А ты, сказывали, недужил изрядно...

Тем не менее, коромысло Варвара опустила, положив поверх ведер, и смущенно потупила глаза. Андрей убрал коромысло в сторону, подождал, пока вода успокоится, и наклонился над одной из бадеек. Не зеркало, конечно – но уж лучше узенького клинка.

Из темной воды на него глянуло почти знакомое лицо. Разве только чуть попухлее, и волосы длинноваты. Отросли, что ли, за время наркоза? Тело тоже показалось не совсем знакомым. Вроде и не жирное – живота он у себя нынешнего не отметил, – а все равно крупноватое.

Зверев решительно расстегнул ферязь, сунул ее девушке, содрал с себя рубаху, снова склонился над водой.

Зрелище открылось весьма неплохое. Чертовски неплохое. Не Шварценеггер, конечно, но мышцы вырисовывались весьма рельефные. Витя Стеблов с параллельного класса уже год культуризмом занимался – так он даже близко к такой картинке не подошел, хотя и любил выпендриться, в одной футболочке после физкультуры по этажам пройтись – как бы жарко ему, вот и не одевается. Да, такое и вправду только во сне привидеться может.

И тут Андрея посетила еще одна мысль, на этот раз шальная. Он решительно поднял бадью и опрокинул себе на голову.

– Ой-ё-о... – От неожиданного ледяного холода на миг перехватило дыхание. Кожа мгновенно покрылась мелкими мурашками, плечи свело. Мерзкий холодный ручеек заструился со спины в штаны.

– Да ты что же, барчук?! – с крыльца с дробным топотом слетел Пахом Белый, накинул ему на плечи опашень. – Что же ты творишь?! В горячке еще вчера метался, а ныне уж, не помолясь, без парилки, под воду холодную лезешь! А ты, дура, чего смотришь?! Плетей на конюшне давно не пробовала? От, боярыня тебя вдосталь накормит!

– А я? – растерялась Варя. – Я чё? Я...

- Порты сухие тащи, дура! Белье за домом сохнет. Неси, пока не заметил никто...

Дядька, обняв Андрея поверх овчинного опашня, потянул его вверх по ступеням, в дом, и дальше – в комнату, в которой Зверев очнулся. Здесь торопливо растер юношу внутренним мехом одежды, сбросил ее на пол, откинул с постели покрывало с кружевным краем, приподнял одеяло и чуть не насильно уложил Андрея туда:

- Что же ты, барчук?! Ну да ладно. Я быстро одежду отнесу да баню велю стопить. А как Варька порты принесет, в сухое переоденешься.

Молодой человек не ответил, переваривая неожиданные результаты эксперимента.

Он чуть не задохнулся от холода! Во сне такого не бывает. Во сне может быть просто холодно. Но уж ведро колодезной воды на голову во сне – от такого просыпаются, порой даже с криком. Если наяву спящего облить – вскочит. Да чего там сон! Сознание человек потеряет – и то его ведром воды в чувство привести можно! А тут... Как наяву!

В дверь бесшумно просочилась девушка. Втянув голову в плечи, она кинула на сундук неглаженные портки и черные шаровары, тут же выскочила наружу. Андрей поднялся, передел нижнее белье, опоясал рубаху и снова лег в постель. Ему нужно было хорошенько подумать.

В глубине души он все еще продолжал надеяться на то, что это все-таки сон. Или наркоз. Всплыла даже мысль о коме, но ее молодой человек усилием воли закинул обратно в подсознание. Бездна надежные варианты Звереву не нравились.

- Итак, пусть это будет просто очень крепкий, правдоподобный сон, вслух предположил он. – Такой яркий сон, что в нем можно утолить жажду, наесться, ощущая вкус, и чуть не схватить паралич от холода, вылив на себя ведро воды. Неплохие впечатления. С другой стороны – что будет, если тут во сне мне дадут дубиной между глаз? Сотрясение мозга и полный букет сопутствующих ощущений? А если в водоворот речной попаду и утопну? Я на самом деле копыта откину – или все же проснусь, получив все полагающиеся впечатления?

Ближайшая аналогия, что пришла в голову, – это фильм «Матрица». Только там человек во сне мог получать такие же яркие впечатления, как в реальности. Но в «Матрице» после «впечатления смерти» герои умирали...

– И проверять на себе, правда это или нет, как-то не хочется... – закончил мысль Андрей, вылез из-под одеяла и принялся одеваться. Лежа думалось плохо – хотелось побегать из угла в угол.

– Да, влип я по полной программе. – Накинув на плечи ферязь, он отошел к окну, выдернул-таки из кольца крючок и толкнул выходящие на двор створки. – Сон не сон, а шкуру надобно беречь со всем тщанием. Если, чего доброго, после смерти мне еще и ад так же ярко причудится, то – бр-р-р.

У дальней стены между камнеметами на длинном поводке мальчишка гонял по кругу серого коня, а другой сидел у скакуна на спине.

– Наездники... – пробормотал Андрей. – А ведь мне, верно, в этом сне тоже придется к седлу привыкать. И почему я на компьютер, кроме авиа – и авто-симуляторов, ничего не ставил? Сейчас бы половину проблем уже снял.

Теперь оставался вопрос номер два: что делать с этим смачным сном до пробуждения? Остаться в усадьбе – или признаться, что он никого и ничего не знает, никому не родственник и вообще чужой?

– Допустим, я признаюсь, – прикинул он. – Вариантов два. Либо мне поверят и отпустят на все четыре стороны, либо сочтут, что я после горячки сбрендил. Тут, судя по мечам, камнеметам и арбалетам, царит глухое средневековье. Как в те времена сумасшествие лечили? На цепь в холодный погреб, и бить плетью, пока болезный за ум не возьмется? Нет, что-то не нравится... Особенно с учетом яркости впечатлений... А если поверят – что тогда? Пинка под зад и за ворота? И я останусь в чистом поле голый, босой, без денег, без дома, да еще не представляя, что это за мир, с чем его едят, каковы его законы и где вообще я нахожусь... Классная перспектива. Даже не знаешь, что и лучше. Психа хоть и бьют, но подкармливают. А тут... Траву, как лошади, жрать? Так ведь даже на траве только до первого снега дотянешь.

Получалось, у него оставался единственный разумный выход: признать себя пока здешним барчуком. Тем более что именно таким его вроде и считают, а

странности на недавнюю горячку списывают. Язык здешний он вроде понимал – видать, некоторые навыки в новом теле остались. Относятся все с дружелюбием, отдельные промахи простят. Можно пожить да хоть немного оглядеться первое время. А там видно будет...

Отцовский подарок

– Оделся, барчук? На, выпей! – Пахом вошел с каким-то кожаным мешочком в руках, протянул Андрею.

Бурдюк туго стягивался вокруг деревянного горлышка с болтающейся на коротком шнуре пробкой. Зверев запрокинул непривычную флягу над головой, не сразу догадавшись, что мешочек нужно отдельно поднять за острый хвостик, сделал несколько глотков и только тут сообразил, что в мешочке – чуть сладковатое терпкое вино. Он оторвался, отер губы, протянул бурдюк обратно:

– Спасибо. Хорошая штука.

– Ты допивай, допивай, – потребовал дядька. – Пусть кагор кровушку согреет да по жилам разгонит. Пей.[2 - По какому-то недомыслию принято считать, что в XVI веке Русь и Западная Европа имели друг о друге расплывчатое представление и поддерживали очень слабые контакты. Между тем, на Руси еще и начале XVI века имелся полноценный «иностранный легион» из обедневших европейских дворян. В частности, при штурме Казани евраенаемники (англичане, немцы, поляки) составляли шестую часть русских войск – 10000 человек! (см.: «Сказание о начале царства Казанского и о взятии онаго» / Автор неизвестен, написано и 1564—1565 годах («Соловецкий список»)). При «слабых связях» такое просто невозможно. Кроме того, вина на Руси предпочитали испанские, французские, рейнские. Для церковных треб использовались исключительно французские вина! (см.: «Иван Грозный, историческое исследование» / Казимир Валишевский).]

Андрей не заставил себя уговаривать дважды, допил вино, вернул кожаную флягу Белому. Ему действительно сразу стало тепло, даже захотелось расстегнуть ферязь. В голове тоже появилась приятная расслабленность. Во всяком случае, чувствовал себя Зверев уже не так тревожно. А может,

беспокойство ушло с принятием решения. Теперь он знал, что делать.

- Пожалуй, чувствую я себя вполне здоровым, Пахом, - решительно сообщил Андрей. - Нечего мне более в постели валяться. Давай, покажи мне крепость.

- Какую крепость, барчук? - не понял дядька.

- Ну... - Андрей запоздало сообразил, что как сын хозяина, выросший в этих стенах, он и так все должен отлично знать. - Я хотел сказать, давай пройдемся немного? Свежим воздухом подышу после болезни.

- То мысль добрая, - тут же кивнул Белый. - Пошли. Токмо, чур, не обливаться боле!

- Не буду, - пообещал Зверев. - То помутнение на меня нашло какое-то. Но теперь буду держать себя в руках.

- Да я и вижу, горячка след свой оставила, - согласился дядька, выходя в горницу. - К озеру пойдем? Свечу за исцеление, опять же, поставить надобно.

- Давай на стену сперва поднимемся?

- Отчего не сходить? Глянем заодно, все ли ладно там...

Спустившись с крыльца, Пахом повернул направо, нырнул в проход между домом и хлевом, обогнул груды соломы, прикрытую рогожей, затем по узкой тропе, вытопанной вдоль склона, поднялся на земляной вал и тут же глянул в одну из бойниц:

- Блестит сегодня золото как, барчук, глянь.

Андрей подошел к соседней бойнице, выглянул. По сторонам, куда ни падал его взгляд, растекался бескрайний океан густого зеленого леса. Лишь изредка то тут, то там, светились проплешины полей или поблескивали влагой небольшие озерца. Слева, справа, вдалеке поднимались еще холмы, но уже не такие высокие, а далеко у горизонта поблескивало что-то желтое, словно велосипедный катафот.

– Что это там такое, Пахом?

– Как что? То ж Луки, барчук, нечто забыл? Купол храма Вознесенского золотом на солнце отливает.

– Какие Луки-то?

– Да не какие-то, а Великие! В прежнюю-то пору звали их оплечьем Новагорода Великого супротив Литвы, а ныне предсердием Москвы кличут!

«Великие Луки, – тут же щелкнуло в голове Зверева. – Это, помнится, где-то в Псковской области. Граница с Белоруссией, кажется. Ну, теперь хоть что-то понятно. Значит, я в России. Вот только...»

– А какой ныне год, Пахом?

– Дык, семь тысяч пятьдесят третий, барчук, какой же еще? Али изменилось что округ, пока ты не-дужил?

«Так я, что, в будущем? Мир после атомной войны? Ничего себе фокус!»

– Семь тысяч пятьдесят третий... От Рождества Христова? – после короткой заминки уточнил он.

– Шутишь, барчук? – рассмеялся Белый, постукивая по торчащим из земли кольям в полметра толщиной. – От Рождества Спасителя! От сотворения мира, вестимо.

– А-а-а... – Перевести одни даты в другие Зверев с ходу не мог, но понял, что находится все же в прошлом. Где-то лет четыреста тому назад.

– Подгнило бревно... – остановился возле одного из кольев дядька. – Тут, конечно, не так опасно, но поменять надобно.

– Пахом, а почему с той стороны и самострелы, и камнеметы, а с этой – ничего?

– Склон здесь и круче, и выше, барчук, сам глянь. Опять же, через дубраву лестницы нести неудобно, а без них тут не залезешь. С востока речушка к стене не даст подойти, с запада – озеро всего в ста саженях, лучники всех ратников посекут, пока те на штурм собираются. Твердыня любая – она ведь не стенами, она людьми сильна. А с северной стены и приметы поставить можно, и дорога до самых стен имеется. Ее держать крепче всего и надобно.

Они двинулись дальше, к западной стене. С нее Андрею открылось озеро в форме правильного креста – прямо как рукотворное. Возле самого берега поднималась рубленая церквушка с остроконечной маковкой, обнесенная простенькой изгородью в три жердины. За изгородью чернели вскопанной землей ровные грядки, однако возле самых стен покачивались ветви сирени – священник здешний заботился не только о желудке, но и о красоте. По ту сторону, к северу от озера, поднимался еще один холм, куда более высокий, нежели тот, на котором стояла боярская крепость, и почти совершенно лысый, если не считать редких чахлых кустиков.

– Вон, еще одну крепость соорудить можно, – кивнул на нее Андрей.

– На Сешковской горе, что ли? – Пахом торопливо перекрестился. – Скажешь тоже, барчук... Там же нечисть водится! Что ни полнолуние, то огни странные светятся, голоса звучат. Леших не раз смерды на ней видели, духов вида страшного. Сам Диявол, сказывали, раз с горы к дальнему Колошину озеру напиться ходил, а наутро там рыба вся передохла и вода серой воняла до ужаса. Кровь из земли еще, сказывали, от плача детского проступает, навки хороводы водят в ясные ночи и уж с полтора десятка парней с окрестных селений переловили. Сказывали, князь старый, Семен Друцкий, сюда наезжал, мыслил обосноваться у озера святого, а как домой вернулся, в три дня и зачах. Ты не ходи туда, барчук, ой, не ходи. Знаю, дело молодое, удаль показать хочется, девок попугать. Но ты не ходи. Там и в обычный день враз сгинешь, голоса подать не успеешь. А уж ночью али днем перед полнолунием такие страсти случаются...

Вон, с благословения епископа Филарета церковь поставили, землю от бесов отмаливать. Двое батюшек там, без матушек, и послушников двое с Печорской обители. Трудятся, молятся, поклоны кладут, власяниц не снимают. Ходят на гору, водой святой поливают. Ан, что ни год, а из святых отцов половина наш мир покидает. В детстве твоём, барчук, случилось, что ночью прибег отец Афанасий – простоволосый, седой весь, без креста и в платье рваном. Призвал

Господа нашего Иисуса громким голосом да прямо на пороге и упал. А за ним по пятам туман шел цвета желтого, и голоса из него звучали. Насилу успели батюшку втащить да ворота запереть. У нас тут освящено все, с благословением выстроено, к нам нечисть не ходит. Вот... Пошли мы поутру в храм – а в нем ворота с петель сорваны, кресты опрокинуты все, и нет никого. Так и не нашли в тот раз никого из святых отцов. А отец Афанасий до утра кричал страшно да с первыми лучами и преставился. Вот так, барчук. Спустя месяц токмо новые монахи приехали, подвиг вершить.

Дядька внушительно цокнул языком.

– Коли так страшно на горе, откуда люди знают, что там кровь из земли течет или духи всякие из угла в угол бродят? – недоверчиво поинтересовался Андрей. – Кто же ходит туда за водопоем дьявола наблюдать?

– А куды ты денешься, коли баран или коза отбились и на гору ушли? Трава там, глянь, какая зеленая, хоть и осень ныне. Летом и вовсе смотреть завидно. Скотина и блазится. Забредет буренка на гору – тут и Дияволу в пасть полезешь, кормилицу выручать.

– Да, жизнерадостные места, – передернул плечами Андрей. Он думал о том, в реальности он находится или все же во сне? Если во сне – то тут вполне могут водиться и лешие с навками, и дьяволы с огнедышащими драконами. – А в другие места эта нежить не ходит?

– Некуда, боярин. До усадьбы князя Друцкого отсель верст десять, так далеко лешаки наши не захаживают. До Лук Великих им и вовсе не добраться. Деревня Бутурли, что отцу твоему принадлежит, – за озером Крестовым в пяти верстах, за речкой Линницей, на востоке. Норково еще дале, в аккурат у самого озера Северета.[3 - Ныне озеро Дергановское] Здешние же смерды в усадьбе привыкли обитать. Места наши беспокойные, токмо за стенами не страшно. В дальних деревнях люди в схронах лесных, почитай, столько же, сколь и в домах своих живут. А наши хоть и не так вольготны, ан за живот свой не боятся. Крепостные люди. Завсегда при крепости. Да ты, барчук, и сам знаешь.

Пока они добрались до северной стены, ратники уже успели разойтись в разные углы и, сжимая копья, сурово таращились в бойницы. Пахом на них внимания не обратил, простучал только бревна тына. Андрей же первым делом самострел

осмотрел. Устройство это было простое. Деревянная дуга с толстой тетивой, ворот для натягивания и штырь, что утапливался в ложе при нажатии на медную боковую кнопку. Судя по размеру ложа, стреляло оружие одиночными стрелами – но довольно толстыми, с большой палец диаметром.

Из бойницы вид открывался благостный: сразу за крутым, градусов сорока пяти, склоном начинался луг, который тянулся до древних курганов – пяти остроконечных холмиков в три человеческих роста высотой. За курганами начиналась густая дубрава. Судя по всему, здесь вообще ничего, кроме дубов, и не росло. Через луг от усадьбы тянулась дорога, что отворачивала за дубравой куда-то вправо. Там еще проглядывал край желтоватого жнивья – видимо, скошенного хлебного поля.

Над воротами на стене стоял бревенчатый терем – тоже с бойницами, с дырками в полу. Зачем, Андрей и сам догадался: если враг взломает первые ворота, то, пока он ломится во вторые, через дыры в него можно стрелять из луков, метать копья и лить кипяток.

– Здесь колья сухие, – подвел итог осмотру Белый. – Пару лет простоят. На дуб мореный тын менять надобно, на дуб. Да пока его вымочишь, ужо внуки вырастут.

– У тебя много внуков, Пахом?

Дядька дернулся, сморщился:

– Мыслю, много быть должно. Да где они все ныне? Кто ведает... Ты как, барчук, отдыхать ныне пойдешь, али делом займемся?

– Делом, – тут же встрепенулся Андрей. – В постели поваляться еще успеется.

– И то верно, – согласился дядька. – Негоже молодцу к перине привыкать. Перина – для стариков немощных. Отроку же в седле жить надобно, спускайся к воротам, а я лук принесу.

К терему вела своя, деревянная лесенка. Зверев спустился по ней, миновал скучающего паренька лет шестнадцати с копьем и круглым щитом. Тот низко

поклонился. Андрей кивнул в ответ, вышел из усадьбы и остановился, повел носом, втягивая влажный аромат травы, прислушиваясь к стрекоту кузнечиков, дыша полной грудью.

Нет, все здесь было настоящим. Слишком, слишком настоящим. И все же... Четыреста лет в прошлое – разве это возможно? Как он мог сюда попасть? И как долго здесь пробудет?

– С другой стороны, – отметил он, – теперь мне не нужно ходить в школу и зубрить уроки. А главное – уж отсюда меня точно в армию не призовут. Руки у военкомата короткие.

– Держи, – появился из ворот Пахом. За спиной его, на скрещенных ремнях, висели два колчана. Андрею же он протянул широкий серебряный браслет, украшенный синей, зеленой и красной эмалью и несколькими жемчужинами. – Чего любишься? На запястье надевай! Бо забудешь, опосля тетива руку порежет.

– Как порежет?

– Как-как... Как стрелу выпускаешь, тетива часто до руки, что кибить держит, достает. Тугая – оттого и режет, что нож вострый. Айда на озеро.

У основания «перекладин» крестообразного озера поднимался небольшой взгорок, перед ним из земли торчал совершенно иссеченный пень в половину человеческого роста. Дядька остановился метрах в двухстах от него, расстегнул колчаны. В одном оказался двояковыгнутый лук, в другом – толстый пук стрел.

– Давай, – разрешил Пахом, вешая колчан со стрелами Андрею через плечо, а сам уселся на травку позади паренька.

Зверев вытянул одну из стрел, наложил ее на тетиву, попытался натянуть, зажав двумя пальцами.

– Да ты чего, барчук, первый раз лук в руках держишь?! – неожиданно возмутился Белый. – Чего ты комель, как девку за сосок, тискаешь? Кольцо у тебя на что? Браслет? Ты чем тетиву держишь? Ох, горе мое!

Дядька подскочил, развернул браслет выпуклой стороной внутрь, потом показал, как вложить тетиву в паз кольца, что украшала у Андрея большой палец, как зажать кончик большого пальца указательным.

– А стрелу комельком аккурат меж пальцев клади, Припомнил? А коли так, то стреляй!

Андрей решительно натянул лук – от натуги зазвенело в ушах и что-то затрещало в позвоночнике. Каким-то усилием воли ему удалось еще и направить кончик стрелы в сторону пня. Он ослабил указательный палец – тут же тугая тетива, расправляясь, вырвала большой и басовито запела, подобно гитарной струне... А у пня, в самой середине, вырос новенький оперенный сучок.

– Молодца! – похвалил дядька, усаживаясь обратно в траву. – Токмо запутался ты маненько. Неча натягивать лук, покуда не примстишься. Этак у тебя никакой силы не хватит. Ты прицелься, а уж опосля натягивай да спускай.

Сказать это куда легче было, нежели сделать. Лук – это не «Калашников», прицела на нем нет. И как только Зверев попытался как следует целиться – стрелы тут же начали лететь куда угодно, но только не в пень. Вторая, третья... десятая... двадцатая... Мимо. Вскоре развлечение начало ему надоедать, заныли мышцы спины и рук, тетива нахлестала синяк рядом с браслетом – он оказался закреплен слишком низко.

– Да, не ладится у тебя ныне, барчук, – покачал головой Белый. – Ладно, положи пока лук, отдохни. Давай в ножички поиграем, разомнемся маненько. Ты чего, пояса своего не надевал? Ну, да ладно, у меня два.

Дядька поднялся, выдернул из ножен у себя на поясе два ножа. Тот, что подлиннее, с половину локтя, оставил себе, а тот, который лезвием всего с ладонь, протянул Андрею:

– Давай, барчук, нападай.

– Так нечестно! – возмутился Зверев. – У тебя нож больше!

– А я тебя не справедливости учу, дитяtko. Я тебя побеждать выучиваю. Невелика мудрость того, что слабее, одолеть. Ты сильного завали!

– Ладно, давай... – вздохнув, смирился Андрей.

Он взялся за нож, чуть пригнулся и сделал выпад, норовя уколоть Пахома в живот. Тот отскочил, возмущенно сплюнул:

– Да ты, никак, все на свете запомнил, барчук?! Кто же так нож держит? Кто колет им, яко мечом? А ну, у меня кольчуга под рубахой, али пряжка какая, али на ребро клинком попадешь? У тебя лезвие уткнется, а перекладыны на ноже нет, Рука соскользнет – сам же и порежешься. Это мечом так бить надобно, он и броню, и ребра, что масло, рассечет. А ножом режут, барчук, режут! Давай, рукоять в кулак, да лезвие вниз опусти, дабы не светилось понапрасну. Неча раньше времени его врагу показывать. Кулаком бьешь как бы, а клинок следом и проскальзывает. И лучше сразу в горло, коли открыто, метить. А не достать – по рукам секи, по рукам. Чем боле порезов, тем сильнее кровь стекает. Чем сильнее течет, тем враг слабее. По запястью с внутренней стороны чиркнуть удобно али выше, вот тут, под локтем. Но коли плечо под ставилось, то и его секи, и поглубже. Больше пусть истекает, больше. Десять порезов длинных один удар смертельный заменяют. Уклониться от них куда как сложнее, а сделать проще. Дотянешься до груди – тоже секи. Хоть знать будешь, есть броня какая али нет. Коли на землю тебя свалят – вот здесь, под бедрам и режь. Место тут смертельное, жила толстая. Чикнешь – за минуту враг истечет. А брони тут даже у кавалеров ливонских нет, коли снизу бить. Понял, барчук? Ну, так давай!

Андрей перехватил нож по-испански, клинком вниз, и начал новую атаку, метясь дядьке в горло. Не тут-то было. Пахом отскакивал, уворачивался, отмахивался, уклонялся. Зверев то и дело чувствовал, как по его рукам чиркало тыльной стороной пахомовского лезвия. Пару раз оно же «резануло» и ноги. Поняв, что «убит» уже раз пять, Андрей сменил тактику. Теперь он не столько стремился к горлу противника, сколько не упускал возможности то «подрезать» руку, которой дядька парировал его выпад, то чикнуть выставленную вперед ногу. Белый при этом очень правдоподобно вскрикивал, отдергивал руки, припадал на ногу – и в один из таких моментов Андрей с гордостью прижал кулак к его горлу:

– Ты убит, Пахом!

– Ой! – Дядька охнул, отвалился на спину, раскинул руки и простонал: – Все, лежать мне ныне на сырой земле. А тебе, барчук, лук в руки брать да опять в пенек метиться. Отдохнул – и хватит.

– Хитрый ты, Пахом, – покачал головой Андрей, но за лук взялся. Достал из наполовину опустевшего колчана очередную стрелу, зацепил тетиву пальцем, поставил паз стрелы на тетиву, навел острием на пень.

Ему внезапно вспомнилось, откуда взялся знаменитый символ «виктория»: пальцы, поднятые в виде буквы «V». По слухам, попавшим в плен английским лучникам немедленно отрубали на правой руке указательный и средний пальцы, которыми они оттягивали тетиву. Поэтому на вопрос, как дела, более удачливые лучники обычно вскидывали эти два пальца: дескать, видишь – не отрублены. А значит – все в порядке.

На Руси знак этот особо не прижился. Зато прижился другой. Когда спрашивают про дела здесь, то люди с готовностью вскидывают большой палец. Может быть, потому, что именно этим пальцем он сейчас оттягивает тетиву...

Андрей потянул правую руку к себе, одновременно выпрямляя левую, с луком. Свистнув, низко запела тетива, и стрела задрожала во пне рядом с первой.

– Чегой-то у тебя, барчук, токмо первые выстрелы справными случаются, – отметило земли Белый.

Зверев хмыкнул, наложил еще стрелу, пустил...

Мимо! Дядька громко хмыкнул.

– Ладно, сейчас. – Андрей снова схватился за стрелу, навел наконечник на пень и... Опустил оружие. Метиться из лука в цель было бесполезно. Все равно тетиву он оттягивал не к глазу, а за ухо. К тому же стрела уходит не прямо, а чуть влево, куда ее уводит выпирающая в обе стороны толстая рукоять. Прицелиться из лука невозможно. Можно только знать, куда пойдет выпущенная из этого лука стрела. Можно привыкнуть к тому, куда нужно смотреть, куда направлять оружие, чтобы попасть в выбранную точку.

Это как на велосипеде. Нельзя научиться ездить на нем по книжке. Все равно при первых попытках будешь падать, падать и падать. Можно только приноровиться, научиться держать равновесие, научиться нажимать на педаль, а не тормозить, чтобы не упасть: нужно привыкнуть инстинктивно выбирать нужный уровень наклона, при котором не падаешь во время поворота, причем наклон каждый раз должен быть иным в зависимости от скорости и крутизны поворота, но каждый раз единственно верным – иначе не обойтись без драных коленок и разбитого лба.

Точно так же и с луком. Здесь нет смысла в остром глазе или трезвом расчете. Все решает только опыт, практика. Умение точно стрелять из лука – это навык, засевшим в мышцах спины, рук, ног. Это умение не человека, а его тела, выработанный за несколько лет инстинкт. Чтобы попасть в цель, нужно выстрелить раз сто. Чтобы попадать сто раз, нужно выпустить тысячу стрел. Чтобы попадать всегда – сто тысяч. Два раза он выстрелил без тщательного прицеливания – и оба раза попал. Значит, в его теле этот навык есть. Нужно только не мешать ему своими стараниями...

Андрей коротко выдохнул, поудобнее расставил ноги, примериваясь – где находится пень, а где он сам, – поднял лук и, не столько целясь, сколько просто желая попасть между двумя первыми стрелами, рванул тетиву.

Цок! Между двумя первыми появилось еще одно оперение. Зверев поднял колчан, перекинул его перевязь через плечо к раз за разом расстрелял последние стрелы. Чок, цок, цок, цок, цок! Пять попаданий, два промаха.

– Ужо славно, славно, барчук! – поднялся Пахом. – Погоди-ка, я сбегаяю, стрелы собираю. Опосля еще раз опробуем.

Второй раз из полусотни стрел Андрей вогнал в древесину не меньше сорока. Дядька сбегал за ними, а вернувшись, взял воспитанника за руку и отвел уже метров на триста от пня:

– Давай, барчук. Раз десять попадешь – и вечерять пойдем. Чую, смеркается. А тебя еще банька жаркая ждет, остатки немочи из тела выгнать.

«Триста метров – дальность прямого выстрела из „АКМ“», – почему-то вспомнилось Андрею. Он повел уже изрядно ноющими плечами, удобно

расставил ноги, сыпанул стрелы в колчан, сдвинул его за бедро и взялся за тетиву.

Под басовое пение тетивы стрелы одна за другой ушли в сторону озера. Зверев перевел дух, неторопливо спрятал лакированный лук в чехол, накрыл крышкой.

– Готово.

– Че, и глянуть не хочешь? – прищурился Пахом.

– Глянуть? – снисходительно хмыкнул Андрей, но не выдержал: – Пошли!

Быстрым шагом он первым достиг пенька и довольно рассмеялся: из деревяшки торчало не меньше полутора десятков стрел.

– А, видал? – довольно пнул он Белого локтем под бок.

– Ловок ты, барчук, в силу вернулся, – признал дядька. – Ан все едино, из пяти стрел токмо две в ворага положишь. А иной татарин из десяти девять попадает. А ну, с таким Господь встретиться доведет?

– Коли доведет, и двух из пяти тому хватит, – пообещал Зверев. – Пойдем домой, Пахом. У меня всю спину уже ломит.

– Ниче, барчук. Парком да веничком еловым всю боль прогоним. Не впервой.

Андрей подумал, что дядька шутит, но он жестоко ошибался. Когда они, вернувшись и оставив оружие и верхнюю одежду, отправились в баню, Пахом заварил в кипятке пучок зеленых еловых лап, отчего парилка наполнилась едким смолистым запахом. Пару раз поддав квасного пару, дядька уложил паренька на живот и пошел играть по спине колючими ветвями. Звереву показалось, что его гладят раскаленным докрасна утюгом. Он даже попытался выскочить – но Белый с неожиданной силой удержал его.

– Русскому на радость, бесам на испуг, – продолжал охаживать его веником Пахом. – Нет тебе, лихоманка, тут места, нет тебе тут отдыха. Коли в огне не сгоришь, то в воде потонешь, коли в воде не потонешь – в пару задохнешься, а в

пару не задохнешься – в ели обдерешься. Не бывать тебе в теле человеческом, не пить жизни христианской. Во имя Отца, и Сына и Святого Духа. Аминь!

– Ой, мама... – Когда боль из спины ушла, Андрей обнаружил, что двигаться не может. Совершенно. У него не оставалось сил шевельнуть ни рукой, ни ногой. Хотя, надо признать, Белый не обманул. После елового веника мышцы на спине и в руках болеть перестали. Испугались, наверное.

А теперича щелоком сполоснсмся. Видано ли дело, полную седмицу без бани! Тут без мочалки не обойтись...

Андрей почувствовал, как на него что-то вылили, прошлись мочалкой, но отозваться смог, только когда его перевернули на спину:

– Я сам, Пахом.

– Да лежи уж, дитятко. Ты после горячки, такому в слабости стыда нет.

Где-то через полчаса, дважды ополоснувшись и облачившись в чистые рубахи, они выбрались на лавку на улицу, хлебнули оставленного на скамье холодного шипучего кваса.

– Ну, чего скажешь, Андрей, Васильев сын? – откинулся на бревенчатую стену дядька.

– Скажу, что, если это сон, то я папа Римский.

Пахом довольно захохотал, отхлебнул еще квасу, налил полный корец, протянул пареньку:

– Пей. Бо пота много вышло, надобно попить его заместо, дабы сушняка не случилось. Хорошо. Силы старые ушли, ныне свежие появятся.

– Скоро?

– Скоро, барчук, скоро. Как матушке Ольге Юрьевне ждать нас к трапезе закатной надоест, враз и появятся.

– Белый!!! – слышался со стороны дома женский крик. – Белый, ты где?!
Боярыня кличет!

– Вот и оно, барчук. Хоть не хошь, а идти надобно. Вечерять пора.

В этот раз в трапезной за столом собралось семь человек. Кресло по-прежнему пустовало, справа от него сидела здешняя хозяйка, внешне и вправду сильно похожая на маму Андрея – ничего удивительного, что он обознался, когда пришел в себя. Женщина постоянно смотрела на Зверева как-то по-собачьи, с мольбой и радостью, словно была чем-то перед ним виновата. Самого паренька посадили слева от кресла. Дальше, за углом стола, сидел Пахом и еще трое мужчин, похожих друг на друга окладистыми бородами и солидным возрастом. За хозяйкой, тоже за поворотом стола, неторопливо кушала сухонькая женщина лет пятидесяти. С коричневым лицом, остроносая, с мелкими седыми кудряшками, она походила на крысу, которой на голову натянули кусок овечьей шкуры. Андрей так решил, что за хозяйский стол были допущены самые доверенные и заслуженные из слуг – но он вполне мог и ошибаться. Может, это родственники?

– Ты кушай, сыночек, кушай. Тебе силы восстанавливать надобно. Вот, карасиков в сметане возьми, поутру из Крестцов выловили. Балык бери. Кашки, кашки не забудь. Сыру передать?

– Нет, спасибо... – Андрей поколебался и добавил: – Матушка...

– Да ты кушай, кушай! Чего же ты не ешь совсем?

– Ой, матушка, ем, сколько влезает. А больше, не обессудь, не могу.

Пахом Белый на своем месте тихонько хмыкнул, его сосед опустил голову ниже. Крысиная старушка, наоборот, вскинулась, но промолчала. Хозяйка же лишь улыбнулась:

– Ну, кушай, Андрюшенька, сколько сможешь... На самом деле Зверев успел одолеть уже большую миску запеченных в сметанном соусе рыбешек – штук пять, и каждая с ладонь, – белесое заливное из какой-то белой рыбы, обильно украшенное луком и морковкой, сладкую кашницу из тыквы и пряную, с

шафраном, щучью спинку. В нормальной жизни этого хватило бы ему на неделю.

- Спасибо, очень вкусно. Но больше не могу.

- Благодарствую за угощение, матушка Ольга Юрьевна... - Пахом поднялся, широко перекрестился и склонился в поклоне.

- Благодарствую, - повторил его жест сидевший рядом рыжебородый мужик.

- Спасибо, - еще раз повторил Андрей, поднялся, перекрестился, склонился в поклоне и выбрался из-за стола.

- Устал, кровинушка моя? - Хозяйка жестом подозвала его к себе, наклонила, поцеловала в лоб. - Ну, иди, сыночек, отдыхай...

Дорогу в свою комнату Зверев уже помнил, а потому легко нашел, несмотря на сумерки, наполнившие дом. В животе было тяжело и сладко, голова чуть кружилась, глаза слипались - словно после бутылки пива. Андрей разделся догола, аккуратно сложил одежду на сундук, забрался под одеяло, глубоко утонув в нежной перине, и провалился в сон, едва коснулся головой подушки.

Почти сразу неподалеку зазвучал колокол - надрывно, упрямо, звонко.

«Телевизор, что ли, соседи включили? - сквозь дрему подумалось ему. - Зачем же в такую рань? Сегодня вроде воскресенье, в школу не нужно».

А еще он вспомнил невероятный сон, что причудился ночью. Что он - барчук в богатой усадьбе, что ловко стреляет из лука и умеет правильно драться на ножах.

Андрею даже было жалко открывать глаза и возвращаться в этот скучный однообразный мир, где нужно зубрить матанализ и органическую химию, где на завтрак кормят сосисками и макаронами с кетчупом, а потолки всегда белые, словно саван.

Но вставать, хочешь не хочешь, все равно нужно. В кровати ведь всю жизнь не проведешь.

Он откинул одеяло, сел в постели и открыл глаза. Закрыв и снова открыл, не зная – радоваться увиденному или огорчаться?

– В общем, в школу я сегодня не ходок, – сделал он верный вывод, дотянулся до сундука и через голову влез в рубаху. Опоясался, раз уж дядька так учил, натянул порты, шаровары. Встряхнул портянки, вспоминая, как их нужно наматывать.

Тут дверь приоткрылась. В комнату заглянула Варвара, коротко поклонилась:

– Доброе утро, Андрей Васильевич, – и принялась расправлять одеяло.

– Ты чего? – от неожиданности не сразу нашелся Зверев.

– В светелке приберу, Андрей Васильевич, – оглянулась через плечо девушка.

В простеньком белом сарафане – только волосы прикрыты блестящим бисерником, – она без тени смущения крутилась у него в спальне, старательно застилая постель. В отличие от Вики, ухо у нее проколото не было, и никаких сережек в нем не блестело. Но в остальном... Просто невероятно!

– Варя...

– Что, Андрей Васильевич? – с готовностью оглянулась она.

– Я хотел сказать... Ты красивая, Варя. Ты очень красивая.

Зардевшись, девушка пригнула голову и продолжила свое занятие.

И что дальше? Будь он в своем мире, мог бы предложить ей сходить в кафе или в кино, на дискотеку, съездить за город. А что здесь? Что можно предложить девчонке в этом мире, чтобы как-то завязать отношения? Не в церковь же ее звать или на Сешковскую гору за приключениями?

Тут в светелку заглянул Пахом и довольно пригладил бороду, увидев почти одетого Андрея:

– От, чудеса какие баня за один раз с немощными людьми творит! Ты ферязь не надевай, барчук. Я сейчас поддоспешник принесу. Разомнешься после ночи.

Поддоспешником оказалась плотная и короткая, до пояса, куртка из войлока в палец толщиной, с застежками-крючками на левом боку. В этом облегающем тело валенке Андрею сразу стало жарко – но если бы Белый ограничился только им! Застегнув пареньку крючки, он открыл сундук под иконой и с усилием вынул черную шелестящую кольчугу:

– Поднимай руки, барчук, помогу облачиться... Гибкая железная броня весила килограммов двадцать и сразу навалилась на плечи, прижимая Зверева к земле. Однако дядька этого, кажется, вовсе не заметил, указал только на висящую на стене саблю:

– Пояс не забудь! Пошли.

На улице, возле крыльца, их ждали два щита и меч в кожаных ножнах. Пахом обнажил его, рассек воздух:

– Для начала попроще будем. Все же слаб ты пока. У меня меч тяжелый, у тебя сабля легкая. Бери щит. Как рубиться, помнишь? Места где слабые? Давай!

Андрей, естественно, ничего подобного не помнил, но решительно ринулся в атаку, норовя длинным клинком достать голову своего учителя. Не тут-то было! Круглый деревянный щит закрывал, казалось, Пахома целиком, и Зверев без толку вился вокруг, пытаясь ткнуть его сверху или сбоку острием клинка. Между тем меч Белого, неожиданно вылетая из-за щита, то и дело стучал Зверева то по руке, то по ноге. Паренек снова пришел к выводу, что конечности подрезать проще, чем добираться до горла и головы, немного увеличил дистанцию, уходя из зоны поражения мечом, но зазевался и получил довольно сильный удар пахомовским щитом в грудь.

– Что же ты ослаб-то так, барчук?! – укоризненно покачал головой дядька. – Сколько раз тебе сказывал: щитом, коли враг открылся, завсегда бить сподручнее! На нем заточки нет, им и по железу колотить не жалко. Щит тяжелый – и броню пробьет, и кирасу выгнет. А бездоспешному все ребра разом переломает. Понял? И еще... Вижу, сразить меня тебе хочется – голову снести

али грудь проколоть. Желание это доброе, да токмо для поединка боле годное, не для сечи. В сече времени завсегда в обрез, да и силу беречь надобно. Посему шибко к победе полной не стремись. Твое дело – убрать ворога, дабы на поле не мешался, и все. Руку заметил – отсекай, и дальше наступай. Ногу кто выставил – ее руби, и забывай о вороге. Жив, не жив – то уж не важно. Важно – не рубится он более ни с кем. Упал, убежал – его дело. Кровь из жил вытечет – все едино преставится. До головы вражьей добратся – хлопот много, а проку никакого. По колену его стукни, чтобы упал и не мешался, и все. Поединок честный – дело доброе. Но в сече уцелеть – важнее. Все, бери щит. Нападай!

Андрей крутился вокруг Пахома довольно долго. Кольчуга – все равно, что рюкзак на плечах, да и щит с саблей легкими только первые десять минут кажутся. Сам Зверев в своем бы теле умер минут за двадцать. Барчук же, обливаясь потом, отвалился на перевернутую бадью где-то через полтора часа. Говорить он не мог – только дышал широко открытым ртом.

– Слаб ты еще после горячки, дитяtko, – покачал головой Пахом, который, даром что раза в три старше, даже не вспотел. – Анфиса, воды от колодца принеси! Андрею Васильевичу умыться. Ты пока отдохни, барчук. Броню, как на завтрак покличут, не снимай. Боярыня не осерчает. Опосля верхом к Барсучьему лесу поскачем. В седле отдышишься. Что же ты запоматовал совсем, как не уставать, клинком работая? Ты его не держи все время-то. Как не нужен – повесь перед ногой али на сгиб руки положи, на плечо, да хоть и на щит. Сабля лежит – рука отдыхает... Ну, да припомнишь еще...

Если раньше Андрей опасался того дня, когда ему придется подняться в седло, то теперь он ждал этого часа с нетерпением. Ноги гудели, горели огнем, а кольчуга продолжала давить на плечи при каждом шаге. Хоть ты к столу иди, хоть в отхожее место отлучайся. Возможность посидеть в седле, свесив ноги, воспринималась им как шанс на райское блаженство.

И действительно, ездить на коне оказалось совсем не так трудно, как он думал раньше. Может, гнедой скакун был очень умным и сам угадывал, куда нужно скакать. А может – навыки управления лошадью сохранились в «подкорке» его нынешнего тела, и Андрей, не зная, что делать, просто не мешал.

Шпор ему не полагалось. Впрочем, Зверев ничуть не огорчился оттого, что не будет колоть шипами несчастное животное. Зато барчуку полагалась рогатина: трехметровое копьё с обоюдоострым наконечником, похожим на короткий,

тридцатисантиметровый меч, и толстым древком. Пахом, разумеется, отправился в путь налегке. Без пики, без кольчуги. Только сменил на поясе меч на саблю да повесил позади седла саадак с луком.

Проехав спокойным шагом версты три по дороге, тянущейся от усадьбы в сторону Великих Лук, Пахом свернул на недавно скошенный луг, пустил копя вскачь и через минуту натянул поводья возле одиноко стоящего дуба. Дерево было невысоким, но раскидистым. На одной из веток слегка покачивался на двухметровой высоте объемный чурбак размером с торс человека. Деревяшка носила следы многочисленных «ранений».

– Попятно, – опустил рогатину Андрей. —Я должен разгоняться и бить копьём в это полено?

– Нет, барчук, с ним успеется, – покачал головой дядька, закидывая на ветку тонкую веревочку с привязанным снизу стремяем. – Ты должен разгоняться по тропинке во весь опор и нанизывать на рогатину эту железку.

– Но ведь ее ветром раскачивает! Как в нее попадешь?

– А ты думаешь, в сече тебе кто-то голову или плечо под острие подставит? Они, поди, тоже будут уворачиваться. Но ты все равно попасть должен. Всегда. Поезжай, разворачивайся и скачи.

* * *

Это продолжалось день за днем. Андрей стрелял с лука – стоя, с седла и на скаку, – он то ловил копьём раскачивающееся стремя, то врезался рогатиной в тяжелый чурбак. Он рубился на мечах со щитом и без, метал легкий боевой топорик и бился им против трех выбранных дядькой холопов. Он резался на ножах, прятал в рукаве кистень, а потом с одного замаха плющил им расставленные Белым на ступеньках, перилах или земле шишки. Кольчугу поначалу носил через день, но где-то недели через две снимал ее уже только на ночь, отчего тело начинало казаться невесомым, парящим в воздухе. Однако насладиться этим полетом Звереву никак не удавалось, поскольку каждый вечер он проваливался в сон, едва добирался до постели, а думать мог только о постоянно ноющих от натуги мышцах. Он ухайдакивался так, что мысли о Варе

на время вылетели из головы. Радовало только, что управляться с оружием у него получалось. Тело неплохо помнило то, чему его учили раньше – да и сам Зверев был совсем не дурак.

На улице тем временем установилась слякотная осень, дожди все чаще и чаще загоняли Пахома и его ученика в дом или в терем – с лука тут не постреляешь, рогатиной не размахнешься, разве что к ножу и кистеню приноровиться можно.

В усадьбе тем временем отметили Воздвижение, наполнившее двор капустными запахами,[4 - Конец сентября. Во многих областях в этот день рубили капусту для заготовок] а затем и Трофимовы дни.[5 - Начало октября. На Трофимовы дни молодежь устраивала вечеринки, выбирала женихов] По утрам на улице все чаще выпадал иней, а на Покров аккурат лег и первый пушистый снежок. К полудню он растаял, но через неделю выпал снова, и теперь уже па совесть. Что ни день снег становился лишь толще и толще, полностью погребая под собой жнивье, ведущие к усадьбе дороги, крыши и земляную стену. Встал лед на озере и на вытекающей из него речушке Окнице, что огибала усадьбу, но выходить на него пока еще было опасно. Однако, не дожидаясь сильных холодов, холопы пробили возле берега прямоугольную прорубь и на протяжении пяти дней возили в кадках на санях из нее воду, поливая стены крепости и склоны холма вокруг.

К концу работы все подходы к усадьбе были покрыты сплошной ледяной коркой в два пальца толщиной. Качество покрытия тут же начали проверять усадебные детишки, с визгами и смехом съезжая в сторону озера и дороги. Взрослые, как положено, ругались, предупреждая, что под лед, на который те выкатывались, можно запросто провалиться. Дети, естественно, не слушались. Андрею же досталось рубить на скаку снежных баб – и не просто, а в отмеченное шишкой место. Либо колоть в него же саблей. Либо бить рогатиной или кистенем. Справа, слева, с передней стороны, в спину – бить, бить, бить...

Если это и был сон, то до обидного однообразный. Вместо ферязи Зверев теперь больше носил лисий налатник – крытую синим сукном свободную куртку примерно пятьдесят четвертого размера, длиной до колен. Правда, пуговиц на этой куртке не имелось, и она застегивалась у горла похожим на круглый рекламный значок аграфом, украшенным двумя крупными самоцветами – рубином и изумрудом. Но зато налатник легко надевался поверх поддоспешника и кольчуги, при этом не особо стесняя движения. Хозяйка пыталась навязать еще и меховые штаны, по тут Андрей встал на дыбы: он и так во время

постоянных тренировок потом обливался. Налатник хоть скинуть можно одним движением – а штаны, взопрев, стягивать не станешь.

За покровом пришел Ерофеев день[6 - 17 октября] – первый, когда Алексей получил немного отдыха. Внизу, у озера, с самого рассвета тревожно гудел колокол, ворота в усадьбе не стали открывать вовсе, на дворе с работами никто не появлялся. Усадьба погрузилась в тревожное затишье, нарушаемое лишь заунывным пением девиц, что сидели за прялками в левом крыле дома. Остаться без дела было непривычно, и, послонявшись с полчаса по дому, Зверев отправился на поиски своего дядьки.

Пахом сидел в людской, играя на сдвинутых вместе двух скамьях в кости. Судя по унылому выражению лиц двух других холопов – выигрывал именно он.

– Отчего тоска такая вокруг, Белый? – окликнул его Алексей. – Никто не работает, ворота не открываются.

– Дык, день-то ныне какой, барчук? Лихоманский день. Сегодня, сказывают, лешие везде буйствуют. Бродят, кричат, хохочут, хлопают в ладоши, деревья ломают, гоняют зверей лесных, а человека вмиг заплутают да болотнику и продадут. Кикиморы из подвалов вылезают, овинники пошутить норовят, а в баню сунешься – банники в усмерть запарить могут. Нехороший день. Молиться сегодня надобно, душу спасать... – Дядька кинул кости на скамью: – Девять! Ну, Осип, бери кружку Глянем, какая у тебя рука ныне! А из домов выходить ныне зело опасно, барчук. С кикиморой управиться еще можно, а со стаями нежити лесной да болотной и отцы святые не совладают.

– А кикиморы разве не на болотах живут?

– Да ты что, барчук? – чуть не хором удивились холопы. – Откель им на болоте-то взяться?

– А где же они тогда обитают?

– В подполе, вестимо, – ответил рыжебородый мужик, которого Белый называл Осинном.

- И у нас в доме - тоже есть?

- А кто их знает? - пожал плечами другой холоп, успевший выслужить себе атласную рубаху и изрядную лысину. - Може, и есть.

- Ладно, - ухмыльнулся Андрей. - Давайте проверим. Где у нас вход в подпол?

- Нетто полезешь туда, барчук? - ошеломленно переглянулись мужики.

- Никогда кикиморы не видел, - пожал плечами воспитанный в мире реальности Зверев. - Отчего не глянуть?

- Ну, ты отважен, барчук. - И, цыкнув зубом, Белый собрал со скамьи кости. - Что же, коли желаешь глянуть, так пойдем, покажу, где спускаться. Касьян, лампу принеси. Осип, и ты с нами.

- Ты бы кистень, что ли, прихватил, барчук, - посоветовал рыжебородый Осип. - Али косарь взял.

- Нечто будет польза от кистеня супротив кикиморы? - из угла ответил лысый Касьян, разжигающий масляную лампу. - То же нежить, ее железом не возьмешь. Молитва надобна, икона. Икону снять, Пахом?

- Крест святой при себе есть, и ладно, - отмахнулся Белый. - Так идем, барчук?

- А может, не надо, Пахом? - вдруг засомневался Осип.

- Отроку храбрость не токмо при встрече с живым врагом надобна, - сухо ответил дядька, - но и с мертвым. Не видишь, Андрей Васильевич сам дух свой спытать решил?

Зверев только хмыкнул в ответ, понимая, что пожилые холопы пытаются его запугать.

Вчетвером они пересекли горницу с лестницей, зашли в кладовку за ней, где висело на стенах изрядное количество старой одежды, а на полу валялись ломаные косы, подковы, стершиеся топоры, ржавые воротные петли, какие-то

пруты и скобы. Андрей уже знал, что все это при нужде отдается кузнецу и под ударами молота превращается во что-то новое и полезное.

Пахом слегка разгреб хлам с середины комнатки и, нащупав ременную петлю, потянул ее к себе. Пол скрипнул, и три половицы поднялись, открыв лаз с метр высотой.

– Пойдешь, барчук?

– Естественно.

Зверев забрал у Касьяна лампу с приплясывающим желтым огоньком, наклонился. Под лазом высветились ступени, и паренек начал по ним спускаться вниз. Наверху послышался шорох, пыхтение. Андрей поднял голову:

– Пахом? А ты куда лезешь? Тут же кикиморы!

– Коли с тобой случится что, барчук, боярин мне голову снимет. Уж лучше с кикиморой повстречаться.

– Ее еще найти надобно...

Высота подпола под домом местами превышала полтора человеческих роста, местами снижалась до локтя. Землю перед строительством никто не ровнял – усадьбу просто вознесли на десятки деревянных столбов, соединенных толстенными бревнами.

– Не сгниет? – пощупал один из столбов Зверев.

– Не бойсь, барчук, и на твой век, и детям твоим, и внукам хватит, – пригладил бороду Белый. – Мореный дуб – чего с ним сдееется? Мы, слава Богу, не в Литве живем. Дуба у нас в достатке. Хоть все из него строй.

– А там что? – Андрей разглядел какую-то стену, повернул к ней, потрогал рукой кладку из покатых валунов.

- Печь над нами, барчук. Она, понятное дело, каменная, на столб не положишь – уйдет в землю под тяжестью. Печей у нас аж четыре, и под каждую основа подведена.

- А кикиморы где?

- Кто же их знает, прости Господи? – перекрестился дядька. – Може, обратно двинем? Отвагу ты свою уже показал, про то все знать ныне будут...

- Сейчас... – Андрей увидел впереди небольшой кустик, подошел ближе, потрогал травинки. Это оказалась высокая кочка осоки.

- Ты это... Руками не тронь, барчук!

- Это всего лишь трава, Пахом!

- Какая трава, прости Господи, в подполе без света? Почитай, сто лет свет сюда не падал.

И тут прямо под рукой кочка превратилась в огромную гремучую змею. С угрожающим шипением она взметнулась Звереву на уровень лица и распахнула пасть, в которую без труда вошел бы человеческий кулак в зимних меховых рукавицах. В свете лампы блеснули пятисантиметровые клыки, заплясал раздвоенный язык. Подумать Андрей ничего не успел – ноги сами помчали его к лазу. Рядом, громко топоча, неся Пахом. Спустя несколько мгновений они выпрыгнули вверх с резвостью антарктического пингвина, выскакивающего на льдину.

- Видели? – с надеждой спросил Осип.

- Не, – тяжело дыша, мотнул головой Пахом, – на рохлю наткнулись. Огромный...

- Ну, рохли – они ничего, тихие, – отмахнулся Осип. – Никого не трогают, никуда не лезят. Разве только кошек в подполе пугают. Оттого мыши и крысы часто заводятся, коли рохля живет. Вот кикимора – это да... У моего соседа завелась, так он волком выл. То кур всех живьем оциплет за ночь, то пряжу бабе его перепутает, то горшки побьет, то тесемки на одежде свяжет. Насилу отчитали

дом его. А один у нас мужик – так и вовсе дом бросил. Невмоготу приживалка стала.

– Кикимора – это что, – не согласился Касьян. – Вот баечник – это да-а. Коли привязался, за один раз до смерти извести может. Коли слышишь в доме по ночам стоны да вздохи – стало быть, это он, старый, бродит. Тут уж в темноте вовсе ни с кем говорить нельзя. Ибо он через речь из человека душу вытягивает, тот чахнуть начинает быстро да и помирает совсем...

Тут все холопы как-то дружно покосились на Андрея, все сразу, и он почувствовал некое смутное беспокойство.

– А в усадьбе такой нежити часом нет? – поинтересовался Зверев.

– Он, сказывают, на старичка похож, – сказал Осип. – Коли видишь незнакомого старика в доме али во дворе, то говорить с ним не след. Вовсе. И не случится тогда ничего.

– Батюшку звать надобно, пусть подпол освятит, – задул лампу Пахом. – Рохля, знамо, не баечник и не кикимора, но от крыс тоже хорошего мало. Пойдем, мужики.

Теперь все они старательно не смотрели Андрею в глаза, только усиливая его тревогу.

Он пошел в свою светелку – и едва не столкнулся на лестнице с Варварой, волокущей бадейку с грязной водой.

– Привет, – остановился он. – Давно не виделись.

– Ты все в седле да в седле, Андрей Васильевич. – Она поставила деревянное ведро, низко поклонилась, отерла лоб. Голова ее была укрыта белым платком, завязанным под подбородком, подол серого некрашеного сарафана покрывали влажные темные пятна. – А я пол у тебя помыла. Душно там ныне, в светелке. Сыро. Уж прости, что не вовремя получилось.

- Ты про баечника когда-нибудь слышала? - поинтересовался Зверев, все еще оставаясь под впечатлением недавнего разговора.

- Нет, не слыхала... - Глаза девушки забегали по сторонам.

- Что, так совсем и не слышала ничего?

- Нет, Андрей Васильевич, ничего...

- Врешь! Как можно здесь жить и ничего про баечника не слышать?

- Нет, барчук, про него я знаю. Но про то, как ты с баечником разговаривал, мне не ведомо... - Осекшись, девушка испуганно охнула, прижав мокрые ладони к лицу.

- Когда я с ним разговаривал? - Зверев подступил ближе и повысил тон: - Когда?!

Варвара отрицательно замотала головой.

- Говори, раз начала. Говори, все равно проболталась! - Андрей подождал ответа, пригрозил: - Смотри, у боярыни расспрошу да на тебя сошлюсь.

- А матушка Ольга Юрьевна и не знает, - сквозь ладони ответила девушка. - Это по усадьбе слух пошел, будто с баечником ты в начале листопадника на дворе ночью столкнулся да заговорил. Оттого и немочен стал. Украл баечник твою душу. Мы опосля усадьбу всю наново освятили, службу отслужили на защиту от нежити, святому Георгию-заступнику подарки в три обители разные отослали...

Икона Георгия-Победоносца висела над въездными воротами усадьбы, ее Андрей видел уже не раз.

- Дальше?! - потребовал он.

- Сказывают, боярыня к колдуну на болото ездила, на Козютин мох. У него душу твою назад выкупила. Намедни ты в горячке да беспамятстве лежал - мыслили все, представишься до рассвета. А как с колдуном матушка перемолвилась, ты

поутру уж здоровым веселился.

– Что за колдун такой? – еще не осознавая важность услышанного, уточнил Зверев.

– Лютобор-вещун. – Варвара подхватила бадью, ринулась к лестнице: – Пора мне, барчук. Ключница осерчает.

– Подожди... – попытался остановить Варю Андрей.

Вскинутая рука легла девушке на грудь. Он ощутил мягкое сопротивление ее жаркой плоти – ладонь сама мгновенно стала горячей. Его словно пробило током – юноша отдернул руку, и холопка убежала вниз. Но ощущение мягкой, пышущей жаром, полностью поместившейся в ладонь груди осталось. Пальцы словно продолжали удерживать ее, ощущать ее упругость, форму, ее тепло.

– Вот, черт, – выдохнул паренек. – Глупо получилось. Нужно было о чем-нибудь постороннем поговорить. Узнать чего про нее. Спросить – может, она знает, как тут время провести, коли вдвоем посидеть хочешь. А я ей форменный допрос учинил. Теперь, наверное, и разговаривать со мной не захочет. Еще и хозяйкой пугал... Да, точно теперь и близко не подойдет. Глупо.

– Е-едут!

Снаружи сухо загудело било.

– Е-едут!!

Андрей по въевшейся за прошлую жизнь привычке кинулся к окну, чертыхнулся, упершись носом в мутную слюду, быстро заскочил к себе, сцапал с сундука налатник, опоясался саблей и побежал вниз.

На крыльце уже успели столпиться с десяток баб в душегрейках и серых пуховых платках, мужики же бежали к стене – одни к воротам, другие направо, за дом. Паренек выбрал второй вариант, промчался вдоль стены и, через минуту оказавшись у частокола, выглянул в свободную бойницу.

По реке, разбрасывая копытами неглубокий еще снег, двигалось два десятка конных воинов в островерхих шапках и папах, в ярких зипунах и меховых налатниках, в начищенных ярких сапогах. Все были опоясаны саблями, у каждого на луке седла болтался круглый щит. За отрядом тянулся обоз из четырех полупустых телег, укрытых коричневыми рогожами.

- Кто это? - не понял Андрей.

- Батюшка Василий Ярославович со службы государевой вертается... - сообщил стоящий у соседней бойницы подворник. К счастью, повернуть голову и посмотреть, кто задает столь глупый вопрос, ему в голову не пришло. - Молва шла, на южное порубежье ныне его Иоанн Васильевич посылал. В Каширу. Землю русскую от татарвья беречь.

- Кашира - южное порубежье? - не поверил своим ушам Зверев. - Граница с чужими землями?

- Вестимо, граница. Чай, не Тверь.

- Кашира... - изумленно мотнул головой Андрей. Ему всегда казалось, что это - московский пригород.

А тут на тебе - южная граница! Интересно, а Воронеж - это тогда что? Или Белгород? Или Тамбов?

Всадники тем временем свернули с речушки, по заснеженному полю проскакали сотню сажений до дороги, повернули к усадьбе. Громко заскрипели, открываясь, наружные ворота, грохнул, падая, засов на внутренних. Прибывшие скрылись за поворотом стены, и вся дворня хлынула обратно к крыльцу.

На ступени вышла боярыня в платке, поверх которого возвышалась бобровая шапка в виде полуметрового цилиндра, и в тяжелой собольей шубе, свисающей до самых пят. Дворня вокруг нее расступилась, лишь за спиной остались стоять несколько теток в возрасте. Они были в длинных темных юбках, похожих меховых душегрейках и украшенных жемчугом кокошниках.

Ворота распахнулись, во двор въехали всадники – и внутри сразу стало тесно. Воины спешивались, с кем-то обнимались, кого-то приветствовали, с кем-то целовались. Им тоже кричали приветствия, забирали лошадей, помогали скинуть сумки. Кони ржали, им отвечали другие, из конюшни, от озера продолжали звенеть колокола, скрипели запираемые ворота.

В этом шуме первый из всадников – в подбитом горностаем налатнике, в шапке из рыси и ярко-красных яловых сапогах – спешил к крыльцу, кинул поводья Пахому, быстро поднялся на две ступени и обнял хозяйку. Скинул шапку, крепко поцеловал женщину. Потом рванул ее к себе, ненадолго приподняв в воздух, опять поцеловал.

На его абсолютно гладкой, бритой налысо голове лежала коричневая тубетейка с двумя парчовыми треугольными вставками, украшенными по краю мелкими самоцветами; русая с проседью, курчавая окладистая борода спускалась на грудь; пальцы желтели от крупных аляповатых перстней; на шее поверх одежды болталась толстая золотая цепь. Больше всего этот человек напоминал классического, даже несколько карикатурного, моджахеда, упертого исламиста, отринувшего мир во имя войны против неверных. И все же... И все же в нем было что-то знакомое. Глаза, нос... Общие черты. Что-то от инженера станкостроительного завода Василия Зверева, металлурга во втором поколении.

Ощувив взгляд, боярин оглянулся, скользнул глазами по толпе. Усы его дрогнули, поползли в стороны, показывая, что губы разошлись в улыбке:

– Сын! Дитя мое! – раскинув руки, он сбежал со ступеней. – Андрюшка, Андрей!

Зверев оказался стиснут в железных объятиях, тяжелые ладони застучали по спине:

– Возмужал-то, возмужал как! Не узнать даже! Вроде и не видел тебя всего ничего, а уж другой совсем стал, сынок. И взгляд, и плечи иные, и ростом выше. Растешь!

– Пахом! Осип! От холопы, все с конями да сумками разошлись! – всплеснула руками хозяйка. – Сафия! Найди этих остолопов, скажи, я баню стопить велела. И пусть квас, и пиво туда из погребца приготовят. И мед хмельной.

– Матушка! – выскочила из дома Варя с большущим ковшом с резной рукоятью и заметалась, не в силах дотянуться до госпожи.

Прочие женщины зашевелились, передали корец из рук в руки боярыне. Та поклонилась, протянула мужу:

– Испей с дороги, любый мой, сбитеню горяченького, освежись.

Лисьин принял ковш, припал к нему, медленно вскидывая над головой, потом перевернул и решительно стряхнул последние капли наземь. Дворня радостно закричала, и все вместе люди двинулись в дом.

В трапезной, оказывается, уже вовсю накрывали стол. Поверх светлых подскатерников были наброшены бордовые скатерти, изукрашенные желтыми лебедями и причудливыми синими цветами. На них уже стояли блюда с копчеными рыбинами и цельными свиными окороками, лотки с заливной рыбой, миски с подернутым сальной коркой студнем, груды соленых грибов, капусты, едко пахнущий маринованный чеснок и лук, чищенные орехи, курага, изюм... Всего и не перечислишь. Разумеется, тут же стояли и кувшины с напитками, явно не самыми постными.

Боярин чинно уселся на свой трон, остальные мужчины – запыленные, веселые, пахнущие потом и дымом – рассаживались на скамьи. Хозяйка устроилась слева от мужа, Андрей занял свое место справа. Какие-то мальчишки, которых раньше в трапезной не бывало, споро наливали вино в медные, оловянные и золотые кубки. Золотые – боярину, хозяйке и Андрею, медные и оловянные – прочим.

– Ну, други! – поднял хозяин свой бокал, украшенный тремя мрачно поблескивающими, темными сапфирами. – Вот мы и в стенах родных! За возвращение, други, выпьем! За милость, которой Господь нас в делах ратных и путевых одаривал, за покой, что простер над землей и над домом моим. За супружницу мою, боярыню Ольгу, что очаг мой во дни странствий моих хранила! Выпьем!

– Любо!!! – дружно гаркнули, вскакивая, мужики. – Любо матушке Ольге! Любо боярину! Любо, любо, любо!!!

Они выпили и, тут же схватившись за ножи, принялись шустро остригать окорока, нарезать рыбу, вспарывать студень и выкладывать его на толстые ломти хлеба. На некоторое время воцарилась относительная тишина – все работали челюстями. Андрей тоже отсыпал себе на хлеб немного грибов, отрезал от ближнего окорока большой ломоть, наколот на нож. Ему впервые стало понятно, отчего на поясе каждого мужчины висит не один, а два ножа. Большой предназначен для нужд хозяйственных – колышек остругать, кожу разрезать, брюхо татю вспороть, веточки порубать, а маленький для еды – мясо, хлеб порезать, в зубах поковыряться, вместо вилки кусочек чего вкусного наколоть.

– Ты что долго так? – тихо поинтересовалась хозяйка и положила руку на подлокотник кресла. – Какой служба оказалась?

– Скучной. – Боярин накрыл руку жены ладонью. – В дозоры у Каширы ездили, за путниками приглядывали. Пару раз шайки татарские встретили. Кого посекли, кто убечь исхитрился. Ничего не случилось. Служба порубежная, пустая...

– А тебе лишь бы сечу подольше да ворога погуще?

– А чего ради еще боярину жить, как не ради боя горячего да земли отчей, любая моя? – Боярин проследил, как ему наполнили кубок, вскинул руку. За столом мгновенно повисла тишина. – А теперь, други, кубок за сердце свое поднять желаю. За счастье единственное, за радость, Богом мне данную, за сокровище, с коим сравниться нечему. За женушку мою любую, матушку вашу, Ольгу Юрьевну!

– Лю-юбо-о! – немедленно подхватили пирующие. – Славься! Любо!

Хозяйка, зардевшись, привстала. Боярин наклонился к ней с высоты своего кресла, поцеловал в сладкие уста, одним махом опрокинул в себя полулитровый кубок, поднялся, сунул руку за пазуху, достал небольшой тряпочный сверток, развернул и протянул женщине пару золотых серег, усыпанных изумрудами и яхонтами.

– Спасибо, единственный мой, – поклонилась боярыня, но примерять подарок не кинулась, положила пока в тряпице на стол. Бросила оценивающий взгляд на мужчин, стремительно истребляющих угощение, и тихо сообщила: – Велела я еще куриц десяток запечь да белорыбицу с ледника. Токмо оно часа через два

лишь дойдет.

– Нам спешить больше некуда, любая моя, – покачал головой Василий Ярославович. – Мы ныне дома. Да, сын, для тебя у меня тоже подарок есть. Но неожиданный, особенный.

Боярин наколот на нож кусочек балыка, не спеша прожевал и продолжил:

– Был у меня ныне повод задержаться. Повод важный, таковой не отбросить. Ты помнишь сестру мою двоюродную, Аглаю, что за Ивана Крошинского замуж вышла? Имение у них под Полоцком, верстах в тридцати на юг будет?

– Конечно, помню, – кивнула хозяйка. – Сказывали, два сына у них и дочь растут.

– Верно, он это. Прислал родич вестника ко мне на порубежье. Беда у него случилась ныне.

– Что за беда, батюшка? – встревожилась женщина.

– Князь Юрий Радзивилл о позапрошлом годе по велению короля Сигизмунда на ливонцев рать водил, однако же под Елгавой бит был изрядно, бежал второпях, обоз и знамена побросав. Посему у Ивана двое родичей израненными лежат и в седло подняться не могут, холопов убыло изрядно, а племянник в полон кавалеру Карлу Хартмуту попал. И кавалер сей с родичей выкуп за племянника в полторы тысячи дукатов требует.

– Ох ты ж, Господи, – перекрестилась женщина. – Откель он столько золота возьмет?

– Откель у кавалера ливонского мысль появилась выкупы столь несуразные назначать – вот что непонятно! – стукнул кулаком по подлокотнику боярин и потянулся за новым куском рыбы. – Вот и отписал он мне о беде своей, Оленька моя. Помощи просит.

– Так и у нас столько золота не наберется! Откель?

– Ни у кого не наберется, любая. Однако же племянника выручать надобно. Кто еще в беде подсобит, как не родичи?

– Как же его выручить, коли платы взять не откуда?

– Жадных да глупых учить надобно, – покивал боярин. – А выручать станем известно как. Копьем и саблей, копьем и саблей. Не впервой. Иван Крошинский дважды к кавалеру ездил, цену желал сбить. Сбить не сбил, но замок рассмотрел хорошо. И подходы, и стены, и про владения кавалера вызнал.

– А хватит сил у вас с Иваном замок ливонский взять да уйти целыми?

– Замок сей недалече от Режицы – двадцать верст всего от границы литовской. В Литву от них и уйдем. А что до сил, то как раз из-за них я и задержался. К скобарям, в Псков заворачивал. Они, известное дело, зимой скучают, а руки на дело доброе у них завсегда чешутся. Вот и подговорил я охотников к кавалерам через пару недель наведаться. Ватага мечей тридцать набирается, а более и не надо. Замок ведь не стенами, а людьми крепок. Людей убрать – а уж стены одолеем, дело нехитрое. Нищий замок, Иван отписывал. Ров зарос давно, осыпался. Да и замерзнет зимой-то. Лес округ не подсекает никто, чуть не к стенам подходит. Людей ратных в замке немногим более полусотни наберется, да два кавалера там сидят. Мы с Иваном на пару тоже полета холопов наберем. А там...

– Ох, любимый мой, опять собираешься. Что же не вижу я тебя совсем? Нет тебя рядом, холодно одной.

– Здесь я, родная. Мы токмо через две недели тронемся, не бойся. И вернемся скоро... – Боярин вскинул руку: – Главное забыл, из-за чего разговор весь затевал. Слушай меня, сын. Вырос ты уже, вижу, возмужал. Оттого решил я не тянуть более, просьбы твои не отвергать. Пора. На кавалеров, с ордынцами ливонскими сражаться ты со мной пойдешь. Дозволяю!

Над столом повисла длинная пауза. Андрей не сразу сообразил, что слова эти относятся именно к нему. А когда сообразил – не знал, как реагировать. Его зовут принять участие в мясорубке. Это, что, и есть обещанный подарок?

– Он не верит, – рассмеялся боярин. – Не бойся, сын, ныне я решил твердо: беру! Пойдешь со мной славу ратную добыть, кровь ливонскую на цвет проверить. Быть тебе в походе!

Зверев хотел было сказать, что нормальные родители в военкоматы деньги засылают, чтобы ребенка «отмазать», а не пихают под рыцарские мечи – но тут все равно вряд ли кто знал, что такое военкомат.

Хлопнула дверь, ношел Пахом:

– Разогрелась баня, мужики! Идите, пыль смывайте, медом-пивом балуйтесь. А опосля горяченьким подкрепитесь.

Холопы начали подниматься, прихватывая со стола и кидая в рот куски рыбы или соленые огурчики, допивая вино из кубков. Боярин Василий проводил их взглядом, улыбнулся жене;

– Мы с тобой опосля помыться успеем, правда? Идем, не видел я тебя уже сто лет!

Андрей остался наедине со столом, с которого проворные мальчишки начали собирать тарелки и подносы. Зверев прихватил один из кувшинов, налил себе полный кубок, выпил, налил еще, выпил снова, покачал головой:

– Вот тебе, бабушка, и институт с отсрочкой от призыва. От военкомата удрал – так папа почти родной в солдатики забривает. Будем надеяться, тут хотя бы дедовщины нет. Хотя «отцовщина» имеется точно.

Он наполнил себе третий кубок, выпил, потом пошел к себе в светелку и упал на постель.

Полтора сажен

Погорячился ты, барчук, погорячился. – Пахом похлопал его по плечу, и даже такое легкое сотрясение вызвало резкую головную боль и приступ тошноты. –

Петерсмену корчагами пить – это не каждому по силам. Я бы и не взялся.

– Вчера сказать не мог?

– Кто же умные советы опосля первого кубка слушает? Их токмо наутро понимать начинаешь. На, выпей.

Андрей медленно, стараясь не растрясти голову, поднялся, принял от дядьки оловянный ковш, полный до краев шипучего, пахнущего ржаным хлебом, кваса, выпил. Голову чуть отпустило, он даже смог подняться, отряхнуть ферязь;

– Я, что, в одежде спал?

– А ты как мыслишь, барчук? – усмехнулся Белый. – Вот, и постель не разобрана. От Варьки тебе благодарствие, ей хлопот меньше. Ты давай, в трапезную поспешай. Там щи кислые вчерашние поданы, да студень стоит. Поешь, тебе легче станет.[7 - Древнерусский способ борьбы с похмельем по сей день является наиболее оптимальным. Квас восполняет потерю жидкости, микроэлементов и витаминов группы «В», рассол или щи – группы «С», студень или заливное, благодаря присутствию глицина, стимулирует работу мозга. Все прочие методики, вплоть до самых современных, постепенно приводят к алкогольным психозам, на Руси никогда не ведомым.]

Зверев послушался, спустился в трапезную, где приводили себя в чувства еще человек пять, перекусил приготовленными «лекарствами» и выбрался на улицу, на холодок. На дворе было так же пусто, как вчера. Лишь конюх плавными, размеренными движениями добывал из колодца воду, да одинокая баба в овчинном тулупе шла с дымящимся кожаным ведром к правому крылу, где располагалась кухня. Видимо, несла парное молоко. Оно и понятно – ни кони, ни коровы в празднике не участвовали. Хочешь не хочешь, а поить да доить скотину каждый день надобно.

– Не застудись, барчук, – кинул ему Пахом на плечи налатник. – Ты бы все же оделся да баб снежных у озера порубал. Батюшка, вестимо, еще долго отдыхать будет. Но как поднимется, пусть видит, что ты делом занят. А то гляди, передумает, не возьмет тебя в поход, не даст сабелькой вострой побаловать.

– Это что – награда такая, да? – не утерпел от сарказма Андрей.

– А ты, что, в смерды решил податься, барчук, али в юродивые? – тем же топом ответил Белый. – Без сабли ныне и в монахи не возьмут. Святым отцам тоже копьем и саблей стены монастырские то и дело оборонять приходится. Ты не беспокойся, я тебя понимаю. Как сам первый раз в поход сбирался, тоже в животе свербило. И хотел идти – ан душа все едино в пятках сидела. Иди лучше, броню надень. А я пока серого оседлаю. Кистенем помашешь часок, тревога и уйдет.

Кистенем паренек махал не час, а до обеда, начавшегося далеко за полдень. На трапезу собрались уже все участники вчерашнего пира – мужики опять пили вино, кричали здравицы хозяйке, боярину и Андрею. Сам Зверев предпочел сегодня вина не касаться – при одном взгляде на кубок его мутило. Обошелся квасом и пряным горячим сбитнем, что тоже стояли на столе.

– Ты, вижу, молодец, сын, – отметил Василий Ярославович после того, как холопы выпили за его упругу. – Времени зря не теряешь. Но одно дело баб снежных разить, а другое – ворога живого да ловко-о. Вечор смерды из Бутурлей наябедничать успели, что волки им досаждать начали. Двух буренок зарезали, в овчарню раз забрались. Все про волкодлаков талдычат неуязвимых. Посему, мыслю, надобно нам показать серым, кому земли сии Богом дадены. На охоту завтра поедем. На волков. Там удаль свою и покажешь. Повеселимся да и дело доброе сотворим. Чай, наших смердов забижают. Прощать такое не с руки!

После этой речи хозяин с хозяйкой удалились, и олопы устроили гомон, вспоминая что-то из минувшего похода. Андрей, чувствуя себя в компании чужим, переложил себе запеченную куриную полть, наскоро обглодал косточки и тоже ушел. В седле с рогатиной он чувствовал себя куда более уверенно, нежели за столом с незнакомыми мужиками.

Утром Пахом разбудил его еще затемно, помог собраться при свете лампы. Саблю с собой сказал не брать, оставить на поясе только ножи и ложку, помог верно заправить в рукав кистень – чтобы и не вываливался, пока не нужен, и не застрял, коли понадобится, – посоветовал вместо поддоспешника надеть ферязь, вытащил из сундука зипун.

– Прочее Осип в сумки положил, – кивнул он. – Пошли.

На дворе стояли уже оседланные лошади, подворники увязывали на их спинах чересседельные сумки, крепили саадаки.

– Возвращайтесь скорее! – вышла вслед за боярином на крыльцо хозяйка. Крепко его поцеловала, поправила мужу ворот овчинного охабня. Мелко закрестила лоб сыну.

– Это ты не мне, это ты серым говори... – усмехнулся Василий Ярославович, скользнул ей ладонью по щеке и сбежал вниз, на ходу просовывая руку в ремешок плети. – По коням!

– Давай, барчук... – Дядька придержал Андрею стремя, кинул в руку повод: – Это твой заводной. С Богом!

Кавалькада из шести всадников одвуконь шагом выехала за ворота, спустилась по дороге с оледеневшего холма, повернула вправо, перемахнула реку и перешла в галоп.

Зима еще не успела накопить снега, чтобы начисто перекрыть все пути-дороги, белый ковер в толщину едва достигал ладони, и кони легко мчались по промерзшей земле. Первым скакал, естественно, боярин. За ним двигался Андрей. Особого труда он для этого не прикладывал – просто холопы соблюдали субординацию и вперед барчука не совались. Да и конь был ходкий, не полукровка.

К тому времени, когда охотники влетели под кроны вековой дубравы, солнце только-только начало подниматься над горизонтом. Однако даже в лесных сумерках Василий Ярославович не сбрасывал скорости, неведомо как определяя дорогу под сплошным снежным покровом. Видимо, земли свои знал так, что и с завязанными глазами каждую тропку мог найти. Минут десять – и они вынеслись на широкий простор. То ли луг, то ли поле, то ли болото – поди определи, когда все вокруг белым-бело!

Только оказавшись под солнечными лучами, Андрей понял, что одет, как настоящий щеголь – в ярко-синий зипун, отороченный по краю и вдоль стоячего ворота коричневой ондатрой. Причем все швы зипуна были закрыты витым желтым шнуром, а с плеча свисали несколько петель и кисточек, тоже из шнура, но уже алого. Шапка у него была бобровая, рукавицы – из горносталя. Все прочие

были одеты куда как скромнее: длинные суконные плащи без рукавов, подбитые на плечах лисицей, лохматые шапки то ли из росомахи, то ли из персидской кошки. Боярин и вовсе обошелся простым охабнем да песцовой ушанкой.

Зверев закрутил головой, нашел взглядом Пахома, но высказать свое мнение по поводу наряда не смог: галоп – не лучший аллюр для разговоров.

Охотники перемахнули холм, и впереди показалась деревенька из шести широко раскиданных дворов: от дома до дома метров триста, не меньше. Василий Ярославович перешел на рысь, и через пару минут всадники въехали в деревню. Тем не менее, их уже заметили – от домов к центру деревни побежали мужики, укутанные в платки женщины.

– Здорово, Ерема! – натянув поводья, громко крикнул боярин. – Жалишься, сказывают. Отговорку ищешь оброк скостить, защитника и благодетеля своего голодом уморить желаешь?

– Помилуй, батюшка... – сбив шапки, начали кланяться мужики. – Замучили совсем серые. Скотину, что ляхи бездушные, режут, спать не дают, в деревню прямо выходят. За малых боязно. Однако же в самоловы не суются, требуху отравленную обходят. Токмо вороны от нее передохли. Четырех собак но дворам порвали. С косами мужики ходили – никого в лесу не нашли. Не иначе, волкодлаки завелись. Токмо на ночь в зверя перекидываются, на свету же в людском облике бродят.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

в переводе на современный язык 13 сентября 1544 года

2

По какому-то недомыслию принято считать, что в XVI веке Русь и Западная Европа имели друг о друге расплывчатое представление и поддерживали очень слабые контакты. Между тем, на Руси еще и начале XVI века имелся полноценный «иностранный легион» из обедневших европейских дворян. В частности, при штурме Казани евронаемники (англичане, немцы, поляки) составляли шестую часть русских войск – 10000 человек! (см.: «Сказаніе о начале царства Казанского и о взятіи онаго» / Автор неизвестен, написано и 1564—1565 годах («Соловецкий список»)). При «слабых связях» такое просто невозможно. Кроме того, вина на Руси предпочитали испанские, французские, рейнские. Для церковных треб использовались исключительно французские вина! (см.: «Иван Грозный, историческое исследование» / Казимир Валишевский).

3

Ныне озеро Дергановское

4

Конец сентября. Во многих областях в этот день рубили капусту для заготовок

5

Начало октября. На Трофимовы дни молодежь устраивала вечеринки, выбирала женихов

6

17 октября

7

Древнерусский способ борьбы с похмельем по сей день является наиболее оптимальным. Квас восполняет потерю жидкости, микроэлементов и витаминов группы «В», рассол или щи – группы «С», студень или заливное, благодаря присутствию глицина, стимулирует работу мозга. Все прочие методики, вплоть до самых современных, постепенно приводят к алкогольным психозам, на Руси никогда не ведомым.

Купить: https://tellnovel.com/prozorov_aleksandr/zerkalo-velesa

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)